Ольга Фомина

Иван Грозный

Жестокий правитель

Великие русские цари и царицы

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Иван Грозный, пожалуй, одна из самых неоднозначных и одиозных личностей российской истории. Талантливый государственный деятель, мудрый реформатор и… кровавый тиран, человек, ввергший свой народ в хаос чудовищных репрессий…

Каким же он был, Иван Грозный, основатель Московского царства, государь, оказавший большое и весьма двусмысленное влияние на ход исторических событий? Какую роль он сыграл в образовании и упадке могущественной державы?

Ход его мыслей и желаний не дано было предугадать никому. Он совмещал в себе жестокого тирана и наивного ребенка, а его приближенных называли слугами дьявола. Он отдавал приказы о казнях, а потом проводил долгие ночи в покаянной молитве, он носил монашеское одеяние и сменил семь жен… День его смерти предсказали лапландские ведьмы… Великий государь великой страны – кто он на самом деле?

- Ольга Фомина
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22

○ Глава 23
○ Глава 24

Ольга Фомина
Иван Грозный
Жестокий правитель

«Родился у вас царь,
а у него двои зубы:
одними ему съесть татар,
а другими вас».

Глава 1
Рожденный в грозу

Вистории России царствование царя Ивана Васильевича Грозного, составляющее половину всего XVI столетия, есть одна из самых важных эпох. Многое из истории тех лет не дошло до нас, многие страницы истории того времени остались «белыми пятнами».

Личность Ивана Грозного, по оценкам разных исторических исследователей, была очень неоднозначна. В нем сочетались, казалось бы, несовместимые черты характера: «В его характере можно обнаружить византийскую изощренность, унаследованную им от отца и бабки – Софьи Палеолог, племянницы последнего византийского императора. Необузданностью желаний и быстрой сменой настроений отличался не только дед Грозного Иван III, но и легкомысленная и вспыльчивая красавица Елена Глинская. Внук византийской царевны и свойственник сербских деспотов соединил в себе и хорошие, и дурные стороны характеров предков. Государственный ум и малодушие, трезвый расчет и порывы необузданного гнева, религиозность, доходящая до ханжества, и неприятие церковной действительности, жестокость, озлобленность, ненависть к людям и сладострастие составляли причудливый сплав характера первого царя».

Дед Грозного Иван III женат был дважды: в первый раз на тверской княжне, а во второй – на византийской царевне Софье Палеолог. Трон должен был перейти к представителям старшей линии семьи в лице первенца Ивана и его сына Дмитрия. Великий князь короновал на царство внука Дмитрия, но потом заточил его в тюрьму, а трон передал сыну от второго брака Василию III. Подобно отцу, Василий III тоже был женат дважды. В первый раз государевы писцы переписали по всей стране дворянских девок-невест, и из полутора тысяч претенденток Василий выбрал Соломонию Сабурову. Брак оказался бездетным, и после 20 лет супружеской жизни Василий III заточил жену в монастырь. Вселенская православная церковь и влиятельные боярские круги не одобрили развод в московской великокняжеской семье. Составленные задним числом летописи утверждали, будто Соломония постриглась в монахини, сама того желая. В действительности великая княгиня противилась разводу всеми силами. В Москве толковали, будто в монастыре Соломония родила сына – законного наследника престола – Юрия Васильевича. Но то были пустые слухи, с помощью которых

инокиня пыталась помешать новому браку Василия III.

Второй женой великого князя стала юная литвинка княжна Елена Глинская, не отличавшаяся большой знатностью. Ее предки вели род от знатного татарина, выходца из Золотой Орды.

Союз с Глинской не сулил династических выгод. Но Елена, воспитанная в иноземных обычаях и не похожая на московских боярышень, умела нравиться. Василий был столь увлечен молодой женой, что в угоду ей не побоялся нарушить заветы старины и сбрил бороду.

Московская аристократия не одобрила выбор великого князя, белозерские монахи объявили его брак блудодеянием. Но большей бедой было то, что и второй брак Василия III оказался поначалу бездетным.

Четыре года супруги ждали ребенка, и только на пятом Елена родила сына, нареченного Иваном. Случилось это 25 августа 1530 года. Недоброжелатели бояре шептали, что отец Ивана – фаворит великой княгини.

Согласно легенде, во всем царстве в час рождения младенца будто бы разразилась страшная гроза. Гром грянул среди ясного неба и потряс землю до основания. Казанская ханша, узнав о рождении царя, объявила московским гонцам: «Родился у вас царь, а у него двои зубы: одними ему съесть нас (татар), а другими вас». Известно еще много других знамений и пророчеств о рождении Ивана, но все они были сочинены задним числом.

Источники официального происхождения приветствовали рождение наследника как событие, благое для всего православного мира: «Не токмо все Русское царство, но и повсюду все православнии възрадовашася, вси православнии во всех концах вселенныя радости исполнишася». Прошло время, и церковные писатели выступили с пророчествами по поводу того, что царь Иван освободит от ига неверных колыбель и столицу мирового православия – Константинополь – «город на семи холмах». Русский род, провозглашала «Степенная книга царского родословия», победит измаильтян «и седьмахолмого примут… и в нем воцарятся».

Прогнозы по поводу будущей славы царя и его потомков были слишком оптимистичны. Давно появились признаки того, что московская династия клонится к закату. Потомки «старого Игоря», киевского князя варяжского происхождения, в течение семи столетий женились в своем кругу. Московские Рюриковичи выбирали невест из семей тверских, рязанских князей и других Рюриковичей. Иван IV получил от предков тяжелую наследственность. В его жилах кроме варяжской и славянской текла кровь императорского рода Палеологов из Византии, татар

из Орды и литовских князей.

Появились признаки вырождения царской семьи. Младший брат Ивана IV князь Юрий был глухонемым идиотом. Сын Ивана Федор страдал слабоумием, а другой сын, Дмитрий, был поражен с младенческих лет «черным недугом», или эпилепсией, которая рано или поздно свела бы его в могилу.

Василий III был несказанно рад рождению первенца. Со всей семьей он отправился в Троице-Сергиев монастырь. В обитель были приглашены самые известные своей святой жизнью старцы. Первым из них был Кассиан Босой, инок Иосифо-Волоколамского монастыря. Он достиг преклонных лет и едва передвигался. Его «яко младенца привезоша» в Троицу, а во время церемонии крещения поддерживали под руки. Восприемниками княжича стали также игумен Даниил, призванный из Троицкого монастыря в Переяславле-Залесском, и Иев Курцов, инок Троице-Сергиева монастыря.

Наследник был назван именем Иван в честь Иоанна Крестителя и в честь деда Ивана III. После церемонии крещения великий князь поднял младенца на руки и перенес на гробницу Сергия Радонежского, как бы вверяя его покровительству самого славного московского подвижника.

Рождение у Василия и Елены Глинской первенца принесло в великокняжескую семью обычные заботы и радости. Когда Василию случалось покидать Москву без семьи, он слал «жене Олене» нетерпеливые письма, повелевая сообщать, здоров ли «Иван-сын» и что кушает. Ото дня ко дню Олена уведомляла мужа, как «покрячел» младенец и как явилось на шее у него «место высоко да крепко». Ивану едва исполнилось три года, когда отец его заболел и умер.

Характер взаимоотношений великого князя с окружавшей его знатью никогда прежде не проявлялся так ярко, как в момент болезни и смерти Василия III. Завещание великого князя не сохранилось, и неизвестно в точности, какова была его последняя воля. В Воскресенской летописи 1542 значится, что Василий III благословил «на государство» сына Ивана и вручил ему «скипетр Великой Руси», а жене приказал держать государство «под сыном» до его возмужания. При Грозном, в 50-х годах, летописцы утверждали, будто великий князь вручил скипетр не сыну, а жене, которую считал мудрой и мужественной, с сердцем, исполненным «великого царского разума». Иван IV любил свою мать, и в его глазах имя ее окружено было особым ореолом. Неудивительно, что царские летописи рисовали Елену законной преемницей Василия III. Со временем летописная традиция трансформировалась, и Елена превратилась в носительницу идей

централизованного государства, защитницу его политики, твердо противостоявшей происках реакционного боярства.

Правление Глинской продолжалось менее пяти лет. Надо сказать, что женщины Древней Руси редко покидали мир домашних забот и посвящали себя политической деятельности. Не многим затворницам терема удалось приобрести историческую известность. В числе тех, кому это удалось, была Елена Глинская. Она начала с того, что узурпировала власть, которой Василий III наделил семибоярщину. Без ее согласия не могли быть проведены последующие реформы. Но в самом ли деле можно считать ее мудрой правительницей, какой изображали ее царские летописи? Ответить на этот вопрос сложно из-за отсутствия фактов. Бояре ненавидели Глинскую за ее пренебрежение к старине и втихомолку поносили ее как злую чародейку. В последний год жизни Елена много болела и часто ездила на богомолье в монастыри.

Великая княгиня умерла 3 апреля 1538 года. Власть перешла к уцелевшим членам семибоярщины. Они поспешили расправиться с Овчиной: «умориша его гладом и тягостию железною, а сестру его Аграфену сослаша в Каргополь и тамо ее постригоша в черници».

Смерть правительницы была, как видно, естественной. Правда, австрийский посол Герберштейн, по слухам, писал об отравлении великой княгини ядом. Но сам же он удостоверился в неосновательности молвы и, издавая «Записки» во второй раз, не упомянул больше о насильственной смерти Елены. Царь Иван, негодовавший на бояр за непочтение к матери, даже не догадывался о возможном ее отравлении.

Бояре восприняли смерть Елены как праздник. Бывшие члены семибоярщины честили незаконную правительницу, не стесняясь в выражениях. Один из них, боярин Михаил Тучков, как утверждал царь Иван, произнес «на преставление» его матери многие надменные «словеса» и тем уподобился ехидне, «отрыгающей яд».

Глава 2
Иваново детство

До смерти отца княжич Иван жил на женской половине терема под надзором боярынь, кормилиц и нянек. В три года его образ жизни изменился. Отныне он должен был участвовать во всех церемониях, требовавших присутствия монарха. Опекуны не позаботились о том, чтобы переделать трон, который был слишком велик и неудобен для мальчика.

Свою первую аудиенцию трехлетний Иван дал гонцам крымского хана. После приема он «подавал им мед». В шесть лет князь принимал литовских послов и произнес несколько слов, предписанных церемониалом. Однако на пирах в честь послов мальчик отсутствовал. Литовцам объяснили, что великому князю «будет стол в истому».

При жизни Василия III и после его кончины главной боярыней при наследнике состояла Аграфена, вдова боярина Василия Андреевича Челяднина. Отец боярина Василия Андрей, а затем брат Василия Иван были первыми, кто получил от Ивана III высший чин конюшего боярина.

Елена Глинская доверяла Аграфене Челядниной. Ее брат Овчина стал конюшим. В 1536 году Аграфена вместе с Овчиной сопровождала Ивана IV в его первой поездке на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. В следующем году на посольском приеме «ходил у великого князя в дяди место» Иван Иванович Челяднин. Еще через два года дядька получил титул конюшего. Обязанности дядьки были разнообразными. Челяднин был воспитателем наследника. Вероятно, именно он начал знакомить его с книжной премудростью. После смерти матери княжич Иван лишился привычного окружения.

С гибелью Андрея Старицкого старшим среди опекунов стал князь Василий Васильевич Шуйский. Этот боярин, которому было более 50 лет, женился на царевне Анастасии, двоюродной сестре Ивана IV. Став членом великокняжеской семьи, князь Василий захотел устроить жизнь, приличную его новому положению. Со старого подворья он переехал жить на двор Старицких.

Царь Иван говаривал, будто князья Василий и Иван Шуйские самовольно приблизились к его особе и «тако воцаришася». Но так ли было в действительности? Ведь Шуйские стали опекунами малолетнего Ивана по воле великого князя!

Будучи членами одной из самых аристократических русских фамилий, Шуйские не пожелали делить власть с теми, кто

приобрел влияние благодаря личному расположению Василия III. Раздор между «принцами крови», а именно так Шуйских называли иностранцы, и старыми советниками Василия III, боярами Юрьевым, Тучковым и думными дьяками, разрешился смутой. Через полгода после смерти правительницы Шуйские захватили ближнего дьяка Федора Мишурина и предали его казни. Вскоре же они довершили разгром семибоярщины, начатый Еленой. Боярин и регент Тучков отправился в ссылку в деревню. Его двоюродный племянник Юрьев прожил менее года после описанных событий. Ближайший союзник Тучкова в думе боярин Иван Бельский подвергся аресту и попал в тюрьму. Торжество Шуйских довершено было низложением митрополита Даниила, сподвижника Василия III. Расправившись со своими противниками, Василий Шуйский присвоил себе стародавний титул боярина «наместника на Москве».

Победа Шуйских была полной, но кратковременной. Старый князь Василий умер в самый разгар затеянной им смуты. Он пережил Мишурина на несколько недель. Младший брат Иван Шуйский не обладал ни авторитетом, ни опытностью старшего. В конце концов, он рассорился с остальными боярами и перестал ездить ко двору. Противники Шуйских воспользовались этим, выхлопотали прощение Ивану Бельскому и вернули его в столицу, а Ивана Шуйского послали во Владимир с полками. Однако в результате переворота в 1542 году опекун вернул себе власть. С помощью своих сторонников в думе он низложил митрополита Иоасафа, а князя Бельского сослал на Белое озеро.

Иван потерял отца в три года, а в семь с половиной лет остался круглым сиротой. Его четырехлетний брат Юрий не мог делить с ним детских забав. Ребенок был глухонемым от рождения. Достигнув зрелого возраста, Иван не раз с горечью вспоминал свое детство. Чернила его обращались в желчь, когда он описывал обиды, причиненные ему – заброшенному сироте – боярами. Жалобы царя были столь впечатляющи, что их обаянию поддались даже историки.

На основании царских писем В. О. Ключевский нарисовал знаменитый психологический портрет Ивана-ребенка. «В душу сироты, – писал он, – рано и глубоко врезалось чувство брошенности и одиночества. Безобразные сцены боярского своеволия и насилий, среди которых рос Иван, превратили его робость в нервную пугливость. Ребенок пережил страшное нервное потрясение, когда бояре Шуйские однажды на рассвете во время мятежа вломились в его спальню, разбудили и испугали его. С годами в Иване развились подозрительность и глубокое недоверие к людям».

Насколько достоверен образ Ивана, нарисованный рукой талантливого художника? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить, что Иван до семи лет рос, окруженный материнской лаской, а именно в эти годы сформировались основы его характера. Опекуны, пока были живы, не вмешивали ребенка в свои распри, за исключением того случая, когда приверженцы Шуйских арестовали в присутствии Ивана своих противников, а заодно и митрополита Иоасафа. Враждебный Шуйским летописец замечает, что в 1542 году в Москве произошел мятеж. Царь Иван дополнил летописный рассказ. При аресте митрополита бояре «с шумом» приходили к государю в постельные хоромы. Мальчика разбудили «не по времени» – за три часа до света – и петь «у крестов» заставили. Ребенок даже не подозревал, что на его глазах произошел переворот. В письме к Курбскому царь не вспомнил о своем мнимом «страховании» ни разу, а о низложении митрополита упомянул мимоходом и с полным равнодушием: «да и митрополита Иоасафа с великим бесчестием с митрополии согнаша». Как видно, царь попросту забыл сцену, будто бы испугавшую его на всю жизнь. Можно думать, что непосредственные ребяческие впечатления, по крайней мере, лет до 12, не давали Ивану никаких серьезных оснований для обвинения бояр в непочтительном к нему отношении.

Поздние сетования Грозного производят странное впечатление. Кажется, что Иван пишет с чужих слов, а не на основании ярких воспоминаний детства. Царь многословно бранит бояр за то, что они расхитили «лукавым умышлением» родительское достояние – казну. Больше всех достается Шуйским. «У князя Ивана Шуйского, – злословит Грозный, – была единственная шуба и та на ветхих куницах – «то всем людям ведомо», как же мог он обзавестись златыми и серебряными сосудами: чем сосуды ковать, лучше бы Шуйскому шубу переменить, а сосуды куют, когда есть лишние деньги».

Можно допустить, что при великокняжеском дворе были люди, толковавшие о шубах и утвари Шуйских. Но что мог знать обо всем этом десятилетний князь-сирота, находившийся под опекой Шуйских? Забота о сохранности родительского имущества пришла к нему, конечно же, в зрелом возрасте. О краже казны он узнал со слов «доброхотов» много лет спустя.

Иван на всю жизнь сохранил недоброе чувство к опекунам. В своих письмах он не скрывал раздражения против них. «Припомню одно, – писал Иван, как, – бывало, мы играем в детские игры, а князь Иван Шуйский сидит на лавке, опершись локтем о постель покойного отца, положив ноги на стул, а на нас и не смотрит». Среди словесной шелухи мелькнуло, наконец,

живое воспоминание детства. Но как превратно оно было истолковано! Воскресив в памяти фигуру немощного старика, сошедшего вскоре в могилу, Иван начинает бранить опекуна за то, что тот сидел, не «преклоняясь» перед государем ни как родитель, ни как властелин, ни как слуга перед своим господином. «Кто же может перенести такую гордыню?» – этим вопросом завершает Грозный свой рассказ о правлении Шуйских.

Бывший друг царя Курбский, ознакомившись с его письмом, не мог удержаться от иронической реплики. Он высмеял неловкую попытку скомпрометировать бывших опекунов. Кроме того, он попытался растолковать Ивану, сколь неприлично было писать «о постелях, о телогреях» – шубах Шуйских и включать в свою эпистолию «иные бесчисленные якобы неистовых баб басни».

Иван жаловался не только на обиды, но и на «неволю» своего детства. «Во всем воли несть, – сетовал он, – но вся не по своей воли и не по времени юности». Но можно ли было винить в том лукавых и прегордых бояр? В чинных великокняжеских покоях испокон веку витал дух Домостроя, а это значит, что жизнь во дворце подчинена была раз и навсегда установленному порядку. Мальчика короновали в три года, и с тех пор он должен был часами высиживать на долгих церемониях, послушно исполнять утомительные, бессмысленные в его глазах ритуалы, ради которых его ежедневно отрывали от увлекательных детских забав. Так было при жизни матери, так продолжалось и при опекунах.

По словам Курбского, бояре не посвящали Ивана в свои дела, но зорко следили за его привязанностями и спешили удалить из дворца возможных фаворитов. Со смертью последних опекунов система воспитания детей в великокняжеской семье неизбежно должна была измениться. Патриархальная строгость уступила место попустительству. Как говорил Курбский, наставники, «хваляше Ивана, на свое горшее отрока учаще». В отроческие годы попустительство наносило воспитанию Ивана больший ущерб, чем мнимая грубость бояр.

Иван быстро развивался физически и в свои 13 лет выглядел сущим верзилой. Посольский приказ официально объявил за рубежом, что великий государь «в мужеский возраст входит, а ростом совершенного человека уже есть, а с Божьего волею помышляет ужо брачный закон Припяти». Дьяки довольно точно описали внешние приметы рослого юноши, но они напрасно приписывали ему степенные помыслы о женитьбе.

Современники с похвалой отзывались о том, что Иван «от юны версты не любяше ни гуселнаго звяцания, ни прегудниц скрыпения… ни скомрах видимых бесов скакания и плясания».

Как видно, в окружении подростка не оказалось людей, которые могли бы привить ему любовь к музыке или танцам. Что касается скоморохов, их попросту не допускали во дворец.

Глава 3
Юность

Когда мальчик подрос, он предался потехам и играм, которых его лишали в детстве. Окружающих поражали буйство и неистовый нрав Ивана. Лет в 12 он забирался на островерхие терема и сталкивал «с стремнин высоких» кошек и собак, тварь бессловесную. В 14 лет он «начал человеков ураияти». Кровавые забавы тешили «великого государя». Мальчишка отчаянно безобразничал. С ватагой сверстников – детьми знатных бояр – он носился по улицам и площадям столицы, топтал конями зазевавшихся прохожих, на рынках бил и грабил «всенародных человеков, мужей и жен… скачюще и бегающе всюду неблагочинно».

Если верить Курбскому, от озорства Ивана страдали не одни простолюдины, сброшенные с крыши терема, но и знатные сверстники, товарищи его игр. Великий князь якобы велел задушить пятнадцатилетнего князя Михаила, сына служилого князя Богдана Трубецкого.

С кончиной опекунов и приближением совершеннолетия великого князя бояре все чаще стали впутывать мальчика в свои распри. Иван живо помнил, как в его присутствии произошла потасовка в думе, когда Андрей Шуйский и его приверженцы бросились с кулаками на боярина Воронцова, стали бить его «по ланитам», оборвали на нем платье, «вынесли из избы да убить хотели» и «боляр в хребет толкали». Примерно через полгода после инцидента в думе один из «ласкателей» подучил великого князя казнить Андрея Шуйского.

Псари набросились на боярина возле дворца у Курятных ворот. Убитый лежал наг в воротах два часа. «От тех мест, – записал летописец, – начали боляре от государя страх имети и послушание». Прошли долгие и долгие годы, прежде чем Иван IV добился послушания от бояр, пока же он сам стал орудием в руках придворных. Они, как писал Курбский, «начата подущати его и мстити им свои недружбы, един против другого».

Сведения о боярском правлении сообщают летописи, которые были составлены, когда царь Иван достиг зрелого возраста. Летописцы исходили из того, что после смерти Василия III единственным законным носителем высшей власти в государстве был монарх, независимо от его возраста. Надо ли говорить, что власть находилась в руках бояр, правивших государством на основании закона, традиций и последней воли Василия III.

Боярская дума как учреждение окончательно сформировалась в конце XV века при Иване III. При его малолетнем внуке «боярский синклит» стал выполнять функции высшего органа монархии впервые в полном объеме.

Борьба за власть в период боярского правления сосредоточилась на вопросе, кто будет осуществлять руководство думой. Главными соперниками были Бельские и Шуйские. Литовские выходцы Бельские получили удельные владения из рук монарха и зависели от него. Могущество коренной суздальской знати опиралось на наследственные земельные богатства.

До поры до времени участие князя Ивана IV в управлении государством было простой видимостью. Однако в его поведении появились новые черты. После убийства Андрея Шуйского он выехал на богомолье в Калязин монастырь в сопровождении «бояр множества». В четырнадцать лет монарх отправился в Троице-Сергиев монастырь, а оттуда через Ростов и Ярославль в Кирилле-Белозерский монастырь и окружавшие его обители: Ферапонтов, Корнильев-Комельский, Павлов-Обнорский монастыри. Путешествие было далеким и продолжалось несколько месяцев. Можно ли видеть в этом факте доказательство того, что Иван уже тогда проникся религиозным чувством? Может быть, он вспомнил о давнем путешествии в те же обители родителей, моливших Бога о рождении наследника? Допустимо более простое толкование.

Боярская дума не могла отказать великому князю, когда он просился в далекие края на богомолье. Лучшего предлога невозможно было придумать. В долгих богомольях Иван был избавлен от надоевших ему дворцовых церемоний, а кроме того, подросток мог удовлетворить пробудившуюся в нем тягу к странствиям. Попутно князь не отказывал себе в потехах: в густых лесах тешился медвежьей охотой и ловлей зверя.

Монахи, принимая государя, не чинились с ним. В Кириллов царь и его свита прибыли к ночи, когда монашеская трапеза закончилась, и припасы были снесены в погреб. Монастырский подкеларник отказал в трапезе знатным московским гостям, сказав: «Государя боюся, а Бога надобе больше того боятися».

Василий III велел боярам, как было отмечено выше, «беречь» сына до 15 лет, после чего должно было начаться его самостоятельное правление. 15 лет – пора совершеннолетия в жизни людей XVI столетия. В этом возрасте дворянские дети поступали «новиками» на военную службу, а дети знати получали низшие придворные должности. Василий III возлагал надежды на то, что назначенные им опекуны приобщат наследника к делам управления. Но опекуны сошли со сцены, не исполнив главного порученного им дела. В 15 лет Иван IV оказался

неподготовленным к роли правителя державы.

Едва монарх достиг совершеннолетия, участились столкновения его с думой. Иван предпринимал энергичные попытки избавиться от боярской опеки в полном соответствии с завещанием отца.

Осенью 1545 года государь велел урезать язык Афанасию Бутурлину «за его вину, за невежливые слова». Дума выразила неудовольствие. В ответ князь наложил опалу на бояр «за их неправду, на князя Ивана Кубенского и на князя Петра, на Шуйского, и на князя Александра Горбатого, и на Федора Воронцова, и на князя Дмитрея Палецкого».

В тот период Кубенский фактически возглавлял думу. Он был не только дворецким, но и близким родственником Ивана IV. Его мать была сестрой Василия III. Курбский так характеризовал боярина: «Муж зело разумный и тихий, в совершенных уже летах».

Фактически великий князь объявил опалу всему руководству Боярской думы. В конце концов, конфликт был улажен благодаря вмешательству митрополита Макария. В декабре опала с бояр была снята.

Совершеннолетие Ивана IV было ознаменовано важным событием. Глава государства принял титул царя.

Глава 4
Венчанный на царство Мономаховым венцом

Люди средневековья представляли мировую политическую систему в виде строгой иерархии. Согласно византийской доктрине центром вселенной была Византия, воспринявшая наследие Римской империи. Русь познакомилась с византийской доктриной еще при киевских князьях. Помнили ее и в московские времена В XIV веке московских великих князей титуловали иногда стольниками византийского «царя». Конечно, чин этот лишен был в то время какого бы то ни было политического смысла. Страшный татарский погром и установление власти Золотой Орды включили Русь в новую для нее политическую систему – империю великих монгольских ханов, владевших половиной мира. Русские князья, получавшие теперь родительский стол из рук золотоордынских ханов, перенесли титул «царя» на татарских владык.

Московские князья давно именовали себя «великими князьями всея Русии», но только Ивану III удалось окончательно сбросить татарское иго и из князя-подручника стать абсолютно самостоятельным сувереном. Когда государь короновал шапкой Мономаха внука Дмитрия и даровал сыну Василию титул великого князя Новгородского, в Москве появилось сразу три великих князя. Чтобы подчеркнуть свое старшинство, Иван III стал именовать себя «самодержцем». Название было простым переводом титула «автохтон», который носил старший из византийских императоров.

Падение Золотой Орды и крушение Византийской империи в 1453 году положили конец как вполне реальной зависимости Руси от татар, так и старым представлениям русских относительно высшей власти греческих «царей». Ситуация в Восточной Европе претерпела радикальные перемены после того, как вместо слабой, раздробленной, зависевшей от татар Руси появилось единое Российское государство. Русское политическое сознание отразило происшедшие перемены в новых доктринах, самой известной из которых стала теория «Москва – третий Рим». Согласно этой теории, московские князья выступали прямыми преемниками властителей «второго Рима» – Византийской империи.

Уже дед Грозного именовал себя «царем всея Руси». Правда,

он воздержался от официального принятия этого титула, не рассчитывая на то, что соседние государства признают его за ним.

О коронации 16-летнего внука Ивана III бояре не сразу известили иностранные государства. Лишь через два года польские послы в Москве узнали, что Иван IV «царем и венчался» по примеру прародителя своего Мономаха и то имя он «не чужое взял». Выслушав это чрезвычайно важное заявление, послы немедленно потребовали представления им письменных доказательств. Но хитроумные бояре отказали, боясь, что поляки, получив письменный ответ, смогут обдумать возражения, и тогда спорить с ними будет тяжело. Отправленные в Польшу гонцы постарались объяснить смысл московских перемен так, чтобы не вызвать неудовольствия польского двора. Ныне, говорили они, землею Русскою владеет государь наш один, потому-то митрополит и венчал его на царство Мономаховым венцом. В глазах московитов коронация, таким образом, символизировала начало самодержавного правления Ивана на четырнадцатом году его княжения.

Ивана короновали 16 января 1547 года. После торжественного богослужения в Успенском соборе в Кремле митрополит Макарий возложил на его голову шапку Мономаха – символ царской власти. Первые московские князья в своих завещаниях неизменно благословляли наследников «шапкой золотой» – короной своей московской вотчины. Великокняжеская корона в их духовных не фигурировала. Ею распоряжалась всесильная Орда. Когда Русь покончила с тяжким татарским игом, повелители могущественной державы продолжали украшать свою голову прадедовской «золотой шапкой», но теперь они именовали ее «шапкой Мономаха».

Любознательный австриец Герберштейн видел шапку на Василии III. Она была расшита жемчугом и нарядно убрана золотыми бляшками, дрожавшими при любом движении великого князя. Как видно, шапка была скроена по татарскому образцу. Но после падения Орды восточный покрой вышел из моды.

По поводу происхождения шапки Мономаха сложена была такая легенда. Когда Мономах совершил победоносный поход на Царьград, его дед император Константин (на самом деле давно умерший) отдал внуку порфиру со своей головы, чтобы купить у него мир. От Мономаха императорские регалии перешли к московским государям.

Официальные летописи изображали дело так, будто шестнадцатилетний юноша по собственному почину решил короноваться шапкой Мономаха и принять царский титул. Митрополит и бояре, узнав о намерении государя, заплакали от

радости, и все было решено. В действительности инициатива коронации принадлежала не Ивану, а тем людям, которые правили его именем.

Затеяв коронацию, родня царя добилась для себя крупных выгод. Бабка царя Анна с детьми получила обширные земельные владения на правах удельного княжества. Князь Михаил был объявлен ко дню коронации конюшим, а его брат князь Юрий стал боярином.

Едва ли можно согласиться с мнением, что коронация Ивана IV и предшествовавшие ей казни положили конец боярскому правлению. В действительности произошла всего лишь смена боярских группировок у кормила власти. Наступил кратковременный период господства Глинских.

В глазах самого царя перемена титула была важной жизненной вехой. Вспоминая те дни, царь писал, что он сам взялся строить свое царство и «по Божьей милости начало было благим». Увенчанный царским титулом, Иван IV явился перед своими подданными в роли преемника римских кесарей и помазанника Божьего на земле.

Государь недолго тешился блеском без труда приобретенного могущества. Жизнь вскоре преподала ему жестокий урок. Питомец дворцовых теремов плохо знал свой народ. Он видел испуганных людей, когда для потехи топтал лошадьми рыночную толпу, видел радостные лица в торжественные праздники. Но у покоренного народа было и другое лицо. Вскоре царю довелось увидеть и его.

Приняв на себя груз ответственности за народ и державу, юный царь с ревностью приступил к делам государственного, общественного и церковного устроения. Известный историк Карамзин писал: «Мятежное господство бояр рушилось совершенно, уступив место единовластию царскому, чуждому тиранства и прихотей. Чтобы торжественным действием веры утвердить благословенную перемену в правлении и в своем сердце, государь на несколько дней уединился для поста и молитвы. Вскоре он созвал святителей, умиленно каялся в грехах и, разрешенный, успокоенный ими в совести, причастился Святых Таин. Юное, пылкое сердце его хотело открыть себя перед лицом России: он велел, чтобы из всех городов прислали в Москву людей избранных, всякого чина или состояния, для важного дела государственного. Они собрались – и в день воскресный, после обедни, царь вышел из Кремля с духовенством, крестами, боярами, дружиною воинскою на лобное место, где народ стоял в глубоком молчании. Отслужили молебен. Иоанн обратился к митрополиту и сказал: «Святой владыка! Знаю усердие твое ко

благу и любовь к Отечеству: будь же мне поборником в моих благих намерениях. Рано Бог лишил меня отца и матери, а вельможи не радели обо мне: хотели быть самовластными, моим именем похитили саны и чести, богатели неправдою, теснили народ – и никто не претил им. В жалком детстве своем я казался глухим и немым: не внимал стенанию бедных, и не было обличения в устах моих! Вы, вы делали, что хотели, злые крамольники, судии неправедные!».

Тут государь поклонился на все стороны и продолжал: «Люди Божие и нам Богом дарованные! Молю вашу веру к Нему и любовь ко мне: будьте великодушны! Нельзя исправить минувшего зла: могу только впредь спасать вас от подобных притеснений и грабительств. Забудьте, чего уже нет и не будет, оставьте ненависть, вражду; соединимся все любовью христианскою».

Забегая вперед и размышляя об исторической роли Ивана Грозного, вряд ли можно до конца понять течение русской истории, не разгадав личности царя. Историки давно сошлись на том, что он был самым даровитым и образованным человеком своего времени. «Муж чудного рассуждения, в науке книжного почитания доволен и многоречив», – характеризует Грозного один из современников. «Несмотря на все умозрительные изъяснения, характер Иоанна есть для ума загадка», – сетует Карамзин, готовый «усомниться в истине самых достоверных о нем известий». Ключевский пишет о царе: «От природы он получил ум бойкий и гибкий, вдумчивый и немного насмешливый, настоящий великорусский московский ум».

Характеристики можно множить, они будут совпадать или противоречить друг другу, вызывая одно неизменное чувство неудовлетворения, недосказанности, неясности. Высокий дух и «воцерковленное» мироощущение царя оказались историкам не по зубам, плотной завесой тайны окутав внутреннюю жизнь Иоанна IV от нескромных и предвзятых взглядов.

Глава 5
Мятеж

Невзирая на боярские распри и «безначалие», первая половина XVI в. была самым благополучным для русских крестьян временем. Расцвет деревни постепенно подготовлял почву для подъема государства. Крестьяне отвоевывали под пашню землю у леса и ставили починки (новые деревни), медленно продвигаясь на юг, в черноземную полосу. Неурожаи случались часто, но они не захватывали всю страну разом и не имели катастрофических последствий.

Численность городского населения была невелика. Но города переживали расцвет. Государство не вело крупных войн, а потому налоговое бремя было сравнительно легким.

Приход к власти Глинских едва ли мог изменить ситуацию. Однако современники утверждали, будто их правление ознаменовалось всевозможными бесчинствами. Родня царя долгое время была не у дел и теперь старалась наверстать упущенное. В короткое время Глинские успели снискать общую ненависть. Как повествует летописец, в царствующем граде Москве и по всей стране умножились неправды и насилия от вельмож, судивших неправедно по мзде и облагавших население тяжкими данями. Слуги Глинских вели себя в столице, как в завоеванном городе. «Черным людям» от них было «насильство и грабеж».

Собственно, новые временщики были не хуже прежних боярских правительств. Но Глинские шли к власти напролом и восстановили против себя всю знать. Из-за этого положение их было очень шатким.

В жаркие летние месяцы 1547 года в Москве произошли крупные пожары, ускорившие развязку. От огня пострадало множество дворов и церквей. Выгорел Кремль, пострадали городские укрепления. В огне погибли 1700 человек. Митрополит чудом спасся из горящего Кремля, но получил сильные ушибы, когда его на веревках спускали с крепостной стены. Иван поспешил навестить Макария. Его сопровождали бояре Иван Петрович Федоров, вернувшийся из ссылки, и князь Федор Скопин-Шуйский. В присутствии митрополита Федоров сообщил государю о смутной молве. В столице толковали, что «яко волхованием… вся Москва погоре». В колдовстве народ винил Глинских. Но об этом боярин умолчал.

Четыре дня бояре вели розыск виновников «поджога» Москвы. Волнения в столице усиливались изо дня в день, и власти

выслали из Кремля для объяснения с народом бояр Федорова, Скопина и Юрия Темкина, а также Григория Романова. Они «начата въпрашати: кто зажигал Москву?». Вопрос был рискованным, но бояре вовсе не собирались щадить своих недругов. Они знали, о чем толковала толпа, и, надо полагать, сами способствовали распространению зловещих слухов.

Вопрос о виновниках неслыханного бедствия пал на подготовленную почву. В толпе выкрикнули имя Анны Глинской и ее детей. События приобрели неожиданный оборот. Боярин Юрий Глинский, узнав о наветах толпы, поспешил укрыться в Успенском соборе, где шло богослужение. По некоторым сведениям, мятежники захватили дядю царя на глазах у Ивана IV. Затем полумертвого боярина вытащили на площадь и добили каменьями.

Иван IV подробно описал мятеж в приписках на полях официальной летописи. По его словам, чернь напустилась на царскую родню «того ради, что в те поры Глинские у государя в приближение и в жалование». Если верить Грозному, бояре сами спровоцировали мятеж против правителя Михаила Глинского и его братьев.

В столице произошли уличные беспорядки. Чернь разграбила дворы Глинских, перебила их вооруженных слуг «бесчисленно», а заодно уездных детей боярских из Северской Украины, ошибочно приняв их за людей правителя. Царю пришлось «утещи» со всем двором в подмосковное село Воробьеве. Но село оказалось для царской семьи ненадежным убежищем. На третий день мятежа московский палач созвал на площадь огромную толпу. Погорельцы громко кричали, что Москву «попали колдовством», что виною всему бабка царя «Волхова» Анна: она вынимала из людей сердца, мочила их в воде и той водой, летая сорокой, кропила город. Разъяренная толпа «скопом» двинулась в Воробьево, чтобы разделаться с ненавистными временщиками. Появление толпы повергло царя в ужас. По словам Ивана, его жизни грозила опасность, «изменники наустили народ и нас убити». Боярам с трудом удалось успокоить чернь и убедить людей, что Глинских в Воробьеве нет. Вооруженная толпа беспрепятственно вернулась в столицу.

В бунте участвовали как низы – «черные люди», так и дети боярские и московские – «лучшие люди», как называли богатых горожан. В конце концов, волнение улеглось, и власти овладели положением в столице. Московские события показали царю Ивану поразительное несоответствие между его представлениями о своих возможностях и подлинным положением дел. С одной стороны, царю внушали, что его власть самодержавна и идет от

Бога. С другой стороны, первые же шаги самостоятельного правления поставили его лицом к лицу с бунтующим народом, поднявшим руку на царскую семью. Не раз безнаказанно посягавший на чужую жизнь, Иван впервые должен был всерьез задуматься о собственном спасении и спасении близких людей.

Мятеж в Москве привел к отстранению Глинских от власти. На свадьбе Ивана IV в феврале 1547 года Глинские играли самую видную роль. На свадьбу брата царя Юрия 3 ноября они не были приглашены. На третий день после свадьбы Юрия князья Михаил Глинский и Иван Пронский побежали в Литву. Прошло четыре месяца со времени убийства Юрия Глинского. За это время конюший Михаил Глинский должен был убедиться, что править государством без поддержки Боярской думы невозможно. Царю Ивану недоставало власти, чтобы заступиться за Глинских.

Дума своевременно узнала о побеге двух видных бояр. Вдогонку был немедленно отправлен боярин князь Петр Шуйский, недруг Глинских. В последующей истории много неясного. Беглецы направились к литовскому рубежу из своих ржевских вотчин. До Литвы было рукой подать, но они все же не пересекли границу. Шуйский с дворянами догнал их в великих тесных и непроходимых местах. Вместо того чтобы продолжать путь, бояре отправились в Москву, намереваясь первыми явиться к царю с повинной. Их оправдания сводились к тому, что они поехали молиться к Пречистой на Оковец, но съехали в сторону (границы), не зная дороги. Михаилу Глинскому не удалось пробраться во дворец. Он был перехвачен Шуйским на пути к Кремлю и арестован.

Дума произвела розыск и признала дядю царя виновным. Отъезд за рубеж считался тяжким государственным преступлением. Но благодаря ходатайству митрополита и заступничеству Ивана опальные избежали тюрьмы. Однако дума отняла у Михаила Глинского титул конюшего.

Правительство Глинских пало, и с его падением закончилась целая полоса политического развития Русского государства, известная под названием «боярское правление». Правители могли бы справиться с кризисом, если бы располагали прочной поддержкой находившихся в столице дворян и посадских верхов. Восстание обнаружило непрочность их власти в обстановке недовольства, охватившего не только низы, но и верхи. Властям пришлось задуматься над тем, как покончить с дворянским оскудением. Уступки дворянству оказались неизбежны. Обнажившийся социальный антагонизм ошеломил власть имущих, на время ослабил боярские распри и во многом определил характер последующих реформ.

В формировании мировоззрения Ивана, как полагают, большую роль сыграл митрополит Макарий, «по чину» занявший место наставника царя. Высокообразованный человек, но посредственный писатель, Макарий обладал качеством, которое помогло ему пережить все боярские правительства и в течение 20 лет пользоваться милостями Ивана. Он старался сообразовать свои действия с запросами светской власти и выступал глашатаем «самодержавия». Глава церкви венчал «на царство» Ивана и придал новый блеск сильно потускневшей в годы боярского правления идее «богоизбранности» русских самодержцев. Глава церкви внес большой вклад в разработку идеологии самодержавия, которая была прежде уделом книжников, а затем получила практическое осуществление в деяниях Грозного.

Коронация Ивана IV положила начало церковной реформе. С возникновением православного царства появилась необходимость в едином пантеоне русских святых.

Деятельность Макария оказала воздействие на устремления Ивана. Но влияние митрополита не стало исключительным. С первых шагов самостоятельного правления Иван не мог обойтись без советов своих приказных людей. Они принадлежали к самой образованной части тогдашнего общества. Среди этих людей выделялся дьяк Иван Висковатый. Преобразованный им Посольский приказ стал одним из главных центральных ведомств страны. Редкие дарования Висковатого как бы запечатлелись в созданном им учреждении. Выходец из «худородной» семьи, Висковатый начал со службы в подьячих и достиг со временем высших постов в бюрократической иерархии. Иностранцы называли его канцлером.

Главным любимцем Ивана стал все же не Иван Висковатый, а Алексей Адашев-Ольгов. С детства Иван проникся недоверием к окружающей его знати. Когда он подрос, его недоверие по временам прорывалось наружу. Алексей Адашев разительно отличался от сверстников, окружавших государя. Он был старше Ивана и успел посмотреть мир. Великий князь выделил Алексея в толпе придворных до коронации и пожара. На свадьбе Ивана с Анастасией Романовой Адашев оказался в числе близких лиц. В бане с женихом мылись молодые придворные Юрий Глинский, Иван Мстиславский, Никита Романов, а вместе с ними Адашев. Двое первых были ближайшими родственниками царя.

После коронации Ивана IV русское правительство выдвинуло план военного покорения Казанской земли. 20 декабря 1547 года царь покинул Москву, чтобы возглавить поход в Поволжье. То была его первая серьезная военная кампания. Ранняя оттепель помешала воеводам переправить за Волгу артиллерию. На

переправе много пушек и пищалей ушло под лед. Войска понесли потери до того, как вступили в бой с татарами. Немало ратников нашли смерть, провалившись в полыньи.

Решено было отослать царя с переправ в Нижний Новгород. Иван вернулся «со многими слезами». Главные воеводы подошли к Казани и вступили в бой с поджидавшим их в поле казанским войском. В бою участвовал один передовой полк. Тем не менее, победа была полной. Казанский хан не выдержал атаки и отступил в крепость. Без пушек о штурме Казани нечего было и думать. После семи дней осады русская рать отступила.

Иван вернулся в Москву 7 марта 1548 года. Бесславное окончание войны с басурманами наводило на мысль о наказании Божием за грехи. Во искупление грехов государь в июне пешком отправился на богомолье в Троице-Серги-ев монастырь. С ним шли царица Анастасия и брат Юрий. Монахи удостоились щедрой милостыни.

Глава 6
Учитель Сильвестр

Значительную роль в жизни Ивана IV суждено было сыграть священнику Сильвестру, новгородцу родом. Неизвестно, когда он переехал в Москву. Во всяком случае, произошло это ранее 1545–1546 гг. Сильвестр получил место в кремлевском Благовещенском соборе, вероятно, благодаря покровительству Макария, знавшего Сильвестра по Новгороду.

Благовещенский собор был семейным храмом царской семьи. Неудивительно, что скромному священнику удалось близко познакомиться с государем.

Благовещенский поп, «последняя нищета, грешный, неключимый, непотребный раб Сильвестришко», как скромно именовал себя священник, выделялся своим бескорыстием в толпе сребролюбивых князей церкви. Положение при дворе открыло перед ним блистательные перспективы. При его влиянии он без труда мог занять доходное епископское место или пост настоятеля монастыря. Но он никогда не умел устроить своих дел. После пожара Сильвестр имел возможность получить «протопопствие» и даже официальный пост царского духовника, но не воспользовался случаем. Начав карьеру священником Благовещенского собора, он закончил жизнь в том же чине.

Новгородец Сильвестр принадлежал к образованным кругам духовенства. Он имел большую библиотеку. Некоторые книги он получил от Ивана IV из царского книгохранилища.

Грозный немало обязан был Сильвестру своими успехами в образовании. Но после разрыва царь перестал признавать умственное превосходство бывшего наставника и наградил его нелестным прозвищем – «поп-невежа». Этот эпитет свидетельствовал скорее о раздражении царя, нежели о невежестве Сильвестра.

Известно, что Сильвестр составил или, во всяком случае, отредактировал знаменитый «Домострой». Формально он посвятил этот сборник наставлений своему сыну Анфиму. Но имеются основания предполагать, что Сильвестр имел в виду также и молодого царя.

Иван IV, только вставший на стезю семейной жизни, нуждался в советах, тем более, что он сам рос сиротой. На первых страницах «Домостроя» Сильвестр учил вере в Бога и тут же переходил к теме, «како чтити детем отца духовнаго и повиноваться им во всем». Обязанности Ивана IV по отношению к

его отцу духовному были расписаны во всех подробностях.

Питомцу надлежало призывать духовника «к себе в дом часто», к нему приходите и приношение ему давати «по силе», советоваться с ним часто «о житии полезном», «како учити и любити мужу жену свою», как каяться, как покоряться перед духовником во всем, а если духовник будет о ком-нибудь «печаловатися», как его «послушаться».

Припоминая свои взаимоотношения с Сильвестром, царь писал много лет спустя, что, следуя библейской заповеди, покорился благому наставнику без всяких рассуждений. Через «Домострой» наставник действительно старался всесторонне регламентировать жизнь государя: учил, как следует посещать церкви, вершить всевозможные житейские дела. Придет время, и царь будет жаловаться на притеснения, которым Сильвестр подвергал его во время богомолий и на отдыхе. Как видно, поп был учителем строгим и требовательным. Когда ученик восстал против авторитета священника, он произнес много горьких слов.

При Сильвестре, сетовал царь, даже в малейших и незначительных делах «мне ни в чем не давали воли: как обуваться, как спать – все было по желанию наставников, я же был как младенец». Что бы ни говорил питомец много лет спустя, пора ученичества не прошла для него бесследно.

Благовещенский поп обратил на себя внимание царя в дни московского пожара. В то время как придворные старались «ласкательством» завоевать расположение молодого царя, Сильвестр же избрал роль пророка, сурового пастыря и обличителя, не боявшегося сказать правду в лицо. В дни бедствий священник явился перед Иваном, «претящее ему от Бога священными пи-саньми и сродзе заклинающе его Страшным Божиим Судом». Ради спасения царя поп «кусательными словесы нападающе» на него, как бритвою «режуще» непохвальные нравы питомца.

Курбский изобразил взаимоотношения «блаженного» пастыря и закоренелого грешника Ивана в традициях житийной литературы. Но суть дела он уловил верно. «Кусательные слова» царь не забыл до последних дней жизни. В юности Грозный терпел и даже ценил резкость наставника, зато после разрыва с ним воспоминания о пережитых унижениях стали для царя источником невыносимых душевных терзаний.

Сильвестр принадлежал к числу глубоко верующих людей. У него случались галлюцинации, он слышал небесные голоса, ему являлись видения. В придворной среде немало злословили по поводу новоявленного пророка. Даже Курбский, хваливший царского наставника, смеялся над его «чудесами». По словам

этого писателя, Сильвестр злоупотреблял легковерием Ивана, рассказывая ему о своих видениях, «аки бы явление от Бога». Возможно, были эти чудеса истинными или же учитель выдумывал их ради того, чтобы напустить на ученика «мечтательные страхи», унять его буйства и исправить «неистовый нрав».

Первоначально наставник ограничивался поучениями житейского толка. Лишь сближение с главным деятелем реформ Алексеем Адашевым открыло перед Сильвестром более широкое поле деятельности.

Рассказы Сильвестра производили на Ивана потрясающее впечатление. Священник зажег в его душе искру религиозного чувства. Иван увлекся религией и вскоре преуспел в своем увлечении. Он ревностно исполнял все церковные обряды. В минуты нервного напряжения он получал знаки свыше. Под стенами Казани перед последним штурмом 23-летний царь после многочасовой молитвы явственно услышал звон колоколов столичного Симонова монастыря.

Были обстоятельства, объясняющие меру влияния Сильвестра на воспитанника. Достигнув совершеннолетия, Иван IV далеко не сразу приноровился к роли самодержца. Дела управления не давались ему. Казалось, что он попал не на свое место.

Сильвестр был тем человеком, который помог Ивану осознать свою роль. В своих посланиях пастырь благословлял избранного Богом монарха, «самодержца вечна, православныя веры истиного наставника, на Божиа враги крепкого борителя, Христовы церкви столпа неколебимого». Священник внушал Ивану мысль о его исторической миссии, состоявшей в защите и утверждении истинной веры по всему свету. Покорение Казани, учил Сильвестр, есть лишь исполнение Божественной воли, «зело бо хощет сего Бог, дабы вся вселенная наполнилася православия».

Сильвестр выражал убеждение, что московский царь осенен той же благодатью, что и Константин Великий, утвердивший христианство в Византии. Самодержец всея Руси Иван «Божиею благодатию уподобися царю Костянтину, тою же царскою багряницею обложен есть, те же правоверния хоругви в руку своею благо-честно содержит».

Послание Сильвестра царю было написано, бесспорно, под впечатлением победы над Казанью. Учитель старался внушить самодержцу, что его ждут громкие победы над неверными: «…и поклонятца тебе все царие земстии и вси языци поработают тебе».

После великого московского пожара 17-летний Иван дал Сильвестру первое личное поручение. Священник должен был восстановить роспись кремлевских соборов, пострадавшую от

огня. Сильвестр вызвал иконописцев из родного города и, «до ложа царя государя», велел им браться за дело. Стены Золотой палаты покрылись нравоучительными картинами, изображавшими юношу царя в образе то справедливого судьи, то храброго воина, то щедрого правителя, раздающего нищим золотники. Средствами живописи Сильвестр надеялся оказать воздействие на эмоции воспитанника и вскоре преуспел в этом.

Священник вел беседы и писал послания Ивану, посвященные разнообразным темам. Одной из них была тема «содомского греха». Царь не должен позволять своим придворным и дьякам «в такое безстудие уклонятца»: «искорениши… содомский грех и любовников отлучиши, без труда спасешися».

Сильвестр старался убедить царя в том, что ему нужно новое, благонравное и беспорочное окружение, достойное великих деяний. И пожар, и междоусобица, и заблуждения людские – все это ниспослано Богом в наказание за грехи. «И тебе, великому государю, – увещевал пастырь, – которая похвала в твоей великой области множество Божиих людей заблудша? И на ком то вся взыщет?»

Государю пора осознать свою ответственность за все непотребства, происходящие в царстве: «Вся сия законопреступления хощет Бог тобою исправити».

Мысль о божественном происхождении царской власти много значила для Ивана. Он никогда бы не простил советнику обличений, если бы не это обстоятельство. Церковь сыграла выдающуюся роль в обосновании политической теории самодержавия.

Глава 7
Реформы

С1549 года вместе с Избранной радой, куда входили А. Ф. Адашев, митрополит Макарий, А. М. Курбский, протопоп Сильвестр, Иван IV осуществил ряд реформ, направленных на централизацию государства: Земскую реформу, Губную реформу, провел преобразования в армии. В 1550 году был принят новый судебник, который ужесточил правила перехода крестьян – размер пожилого был увеличен. В 1549 году был созван первый Земский собор. В 1555–1556 годах Иван IV отменил кормления и принял Уложение о службе.

При Иване Грозном был запрещен въезд на территорию России еврейских купцов. Когда же в 1550 году польский король Сигизмунд-Август потребовал, чтоб им был дозволен свободный въезд в Россию, Иоанн отказал в таких словах: «в свои государства Жидом никак ездити не велети, занеже в своих государствах лиха никакого видети не хотим, а хотим того, чтобы Бог дал в моих государствах люди мои были в тишине безо всякого смущенья. И ты бы, брат наш, вперед о Жидех к нам не писал», поскольку они русских людей «от христианства отводили, и отравные зелья в наши земли привозили и пакости многие людям нашим делали».

С целью устроить типографию в Москве царь обратился к Кристиану II с просьбой выслать книгопечатников, и тот прислал в 1552 году в Москву через Ганса Миссингейма Библию в переводе Лютера и два лютеранских катехизиса, но по настоянию русских иерархов план короля по распространению переводов в нескольких тысячах экземпляров был отвергнут.

В начале 1560-х годов Иван Васильевич произвел знаковую реформу государственной сфрагистики. С этого момента в России появляется устойчивый тип государственной печати. Впервые на груди древнего двуглавого орла появляется всадник – герб князей Рюрикова дома, изображавшийся до того отдельно, и всегда с лицевой стороны государственной печати, в то время как изображение орла помещалось на оборотной. Новая печать скрепила договор с Датским королевством от 7 апреля 1562 года.

Во время правления Ивана Грозного был создан орган власти для обсуждения политических, экономических и административных вопросов, состоящий из всех слоев населения, кроме крестьян – Земский собор. В 1549 году Иван IV созвал «Собор примирения», который рассматривал проблему отмены

кормлений и злоупотреблений чиновников на местах. Впоследствии такие соборы стали называться Земскими. В противоположность соборам церковным – «освященным».

Слово «земский» могло обозначать «общегосударственный», то есть дело «всей земли». Собор 1549 года продолжался два дня, он был созван для решения вопросов о новом царском Судебнике и о реформах «Избранной рады». В процессе собора выступал царь, бояре, позже состоялось заседание Боярской думы, принявшей положение о неподсудности, кроме как по крупным уголовным делам, боярских детей наместникам.

По мнению И. Д. Беляева, в первом Земском Соборе участвовали выборные от всех сословий. Царь испросил у бывших на соборе святителей благословение исправить Судебник «по старине». Затем объявил представителям общин, что по всему государству, по всем городам, пригородам, волостям и погостам, и даже в частных владениях бояр и других землевладельцев должны быть избраны самими жителями старосты и целовальники, сотские и дворские. Для всех областей будут написаны уставные грамоты, при помощи которых области могли бы управляться сами собой без государевых наместников и волостелей.

Земские соборы созывались в России неоднократно на протяжении полутора столетий – с середины XVI до конца XVII века. Окончательно они были упразднены Петром I. Однако во всех остальных случаях они играли роль совещательного органа при действующем монархе и, по сути, не ограничивали его абсолютной власти.

Земский собор 1613 года созывался в условиях династического кризиса. Его главной задачей было избрание и легитимизация новой династии на российском престоле. Земский собор являлся прототипом современного парламента и просуществовал до 1684 или 1698 года. Первый созыв обсуждал дальнейшее продолжение Ливонской войны, а последний – вечный мир с Польшей. Самыми важными собраниями Земского собора были: 28 июня – 2 июля 1566 О Ливонской войне, 17 (27) февраля 1598 касательно избрания на царство Бориса Годунова, 1683–1684 на тему Вечного мира с Польшей и обсуждение Нового Судебника.

Одной из самых важных реформ было составление в июне 1550 года нового Судебника, который заменил устаревший судебник 1497-го года. К 62 статьям старого судебника были добавлены 37 новых.

Судебником 1550 года регламентируются виды уголовного наказания за превышение судьями своих полномочий. К тому же,

к уголовной ответственности их могли привлечь за отказ в осуществлении правосудия или за несправедливо вынесенный приговор. Устанавливается порядок деятельности целовальников в наместничьих судах, выборных старост и, так называемых, «судных мужей». Создается особый принцип, благодаря которому закон стал иметь обратную силу. Был внесен запрет на выдачу грамот, освобождающих от уплаты налогов.

Новые статьи судебника касались землевладения и крестьян. В одной из статей речь идет о вотчинном землевладении в целом. Так как дворянство все больше и больше начинало обеспечиваться поместьями, а не вотчинами, то совершенно ясно, что основное содержание статьи главным образом касалось землевладения феодальной знати. Статья провозглашает, что лица, продавшие вотчину, подписавшие купчую грамоту, лишаются права выкупа проданной земли.

Второй закон состоял в ликвидации тарханов, которые были на руку крупным земледельцам.

Вводилась единая для всех единица взимания налогов – большая соха, которая составляла 400–600 десятин земли в зависимости от плодородия почвы и социального положения владельца.

Другую часть статей Судебника составляют законы о крестьянах и холопах. У них становилось все меньше и меньше прав.

И хотя в Судебнике Ивана IV по-прежнему существовали архаичные формы судебного разбирательства, этот документ сыграл большую роль в становлении российского самодержавия и наряду с Судебником Ивана III послужил отправной точкой для будущих законодательных актов, прежде всего для Судебника 1649 года.

Во время правления Ивана Грозного обсуждался вопрос о передаче в частную собственность церковной земли боярам. Митрополит Макарий был против, объяснив это тем, что раздача церковных земель портит имидж церкви. Также Иван Грозный был озабочен пережитками язычества, развратом, пьянством и взяточничеством священников. Итогом этого стал выпуск Стоглава.

В 1550 году «избранная тысяча» московских дворян получила поместья в пределах 60–70 км от Москвы. В том же году было учреждено постоянное пешее стрелецкое войско, вооруженное пищалями, бердышами и саблями. Стрелецкие части были полурегулярными, поскольку стрельцы самостоятельно вели хозяйство, хотя и получали жалованье. Стрельцы делились на московских и городовых, выделялись стремянные стрельцы.

Командирами стрелецких частей назначались «дети боярские». Оценки общей численности стрельцов колеблются от 10 до 25 тыс. чел.

«Приговор о местничестве» способствовал значительному укреплению дисциплины в войске, повышению авторитета воевод, особенно не знатного происхождения, и улучшению боеспособности русского войска, хотя и встретил большое сопротивление родовой знати.

Русская артиллерия эпохи Ивана Грозного была разнообразна и многочисленна. Дж. Флетчер в 1588 году писал: «Полагают, что ни один из христианских государей не имеет такой хорошей артиллерии и такого запаса снарядов, как русский царь, чему отчасти может служить подтверждением Оружейная палата в Москве, где стоят в огромном количестве всякого рода пушки, все литые из меди и весьма красивые».

«К бою у русских артиллеристов всегда готовы не менее двух тысяч орудий…» – доносил императору Максимилиану II его посол Иоанн Кобенцль. Московская летопись пишет: «…ядра у больших пушек по двадцати пуд, а у иных пушек немного полегче». Самая крупная в Европе гаубица – «Кашпирова пушка», весом 1200 пудов и калибром в 20 пудов, – принимала участие в осаде Полоцка в 1563 году. Также «следует отметить еще одну особенность русской артиллерии 16 столетия, а именно – ее долговечность», – пишет современный исследователь Алексей Лобин. «Пушки, отлитые по повелению Иоанна Грозного, стояли на вооружении по нескольку десятилетий и участвовали почти во всех сражениях XVII века».

Система приказов была слабо развита при Иоанне III. Окончательное учреждение приказов было сформировано при Иване Грозном.

Глава 8
Опричнина

Царь все больше проникался мыслью об установлении личной диктатуры. В 1565 году он объявил о введении в стране опричнины.

Страна делилась на две части: территории, не вошедшие в опричнину, стали называться земщиной, каждый опричник приносил клятву на верность царю и обязывался не общаться с земскими. Опричники одевались в черную одежду, подобную монашеской. Конные опричники имели особые знаки отличия, к седлам прикреплялись мрачные символы эпохи: метла – чтобы выметать измену, и собачьи головы – чтобы выгрызать измену.

С помощью опричников, которые были освобождены от судебной ответственности, Иван IV насильственно конфисковывал боярские вотчины, передавая их дворянам-опричникам. Казни и опалы сопровождались террором и разбоем среди населения.

Крупным событием опричнины был новгородский погром в январе-феврале 1570 года, поводом к которому послужило подозрение в желании Новгорода перейти к Литве. Царь лично руководил походом. Были разграблены все города по дороге от Москвы до Новгорода. Во время этого похода в декабре 1569 года Малюта Скуратов задушил в Тверском Отроч монастыре митрополита Филиппа, пытавшегося противостоять царю. Считается, что число жертв в Новгороде, где тогда проживало не более 30 тысяч человек, достигло 10–15 тысяч. Большинство историков считают, что в 1572 году царь отменил опричнину.

Свою роль сыграло нашествие на Москву в 1571 году крымского хана Девлет-Гирея, которого опричное войско не смогло остановить; были пожжены посады, огонь перекинулся в Китай-город и Кремль.

Первыми жертвами опричнины стали виднейшие бояре: первый воевода в Казанском походе А. Б. Горбатый-Шуйский с сыном Петром, его шурин Петр Ховрин, окольничий П. Головин (чей род традиционно занимал должности московских казначеев), П. И. Горенский-Оболенский (младший брат его, Юрий успел спастись в Литве), князь Дмитрий Шевырев, С. Лобан-Ростовский и другие.

Началом образования опричного войска можно считать тот же 1565 год, когда был сформирован отряд в 1000 человек, отобранных из «опричных» уездов. Каждый опричник приносил клятву на верность царю и обязывался не общаться с земскими. В

дальнейшем число «опричников» достигло 6000 человек. В Опричное войско включались также и отряды стрельцов с опричных территорий. С этого времени служилые люди стали делиться на две категории: дети боярские, из земщины, и дети боярские, «дворовые и городовые», то есть получавшие государево жалование непосредственно с «царского двора». Следовательно, Опричным войском надо считать не только Государев полк, но и служилых людей, набранных с опричных территорий и служивших под начальством опричных («дворовых») воевод и голов.

Историки упоминают о существовании группы из 500–800 человек, так называемой «особой опричнины». Эти люди в случае необходимости служили в роли доверенных царских порученцев, осуществлявших охранные, разведывательные, следственные и карательные функции. Остальные 1200 опричников разделены на четыре приказа, а именно: Постельный, ведающий обслуживанием помещений дворца и предметами обихода царской семьи; Бронный – оружейный; Конюшенный, в ведении которого находилось огромное конское хозяйство дворца и царской гвардии; и Сытный – продовольственный.

Летописец, по мнению Фроянова, возлагает вину за беды, обрушившиеся на государство, на саму «Русскую землю, погрязшую в грехах, междоусобной брани и изменах»: «И потом, по грехом Руския всея земли, восташа мятеж велик и ненависть во всех людях, и междоусобная брань и беда велика, и государя на гнев подвигли, и за великую измену царь учиниша опричнину».

Будучи опричным «игуменом», царь исполнял ряд монашеских обязанностей. Так, в полночь все вставали на полунощницу, в четыре утра – к заутрене, в восемь начиналась обедня. Царь показывал пример благочестия: сам звонил к заутрене, пел на клиросе, усердно молился, а во время общей трапезы читал вслух Священное Писание. В целом, богослужение занимало около 9 часов в день.

При этом есть свидетельства, что приказы о казнях и пытках отдавались нередко в церкви. Историк Г. П. Федотов считает, что «не отрицая покаянных настроений царя, нельзя не видеть, что он умел в налаженных бытовых формах совмещать зверство с церковной набожностью, оскверняя самую идею православного царства».

С помощью опричников, которые были освобождены от судебной ответственности, Иоанн IV насильственно конфисковывал боярские и княжеские вотчины, передавая их дворянам-опричникам. Самим боярам и князьям предоставлялись поместья в других областях страны, например, в Поволжье.

К посвящению в сан митрополита Филиппа, произошедшему 25 июля 1566 года, им была подготовлена и подписана грамота, согласно которой Филипп обещал «в опричнину и царский обиход не вступаться и, по поставлении, из-за опричнины… митрополии не оставлять».

Введение опричнины ознаменовалось массовыми репрессиями: казнями, конфискациями, опалами. В 1566 году часть опальных была возвращена, однако после Собора 1566 года и требований об отмене опричнины террор возобновился. Напротив Кремля на Неглинной был построен каменный Опричный двор, куда переселился из Кремля царь.

В начале сентября 1567 года Грозный вызвал к себе английского посланника Дженкинсона и через него передал королеве Елизавете I просьбу о предоставлении убежища в Англии. Это было связано с известием о заговоре в земщине, поставившем целью свергнуть его с престола в пользу Владимира Андреевича. Основой послужил донос самого Владимира Андреевича.

Нельзя не сказать о Митрополите Филиппе, который отказался благословить Ивана Грозного. С этими событиями связано публичное выступление митрополита Филиппа против царя: 22 марта 1568 года в Успенском соборе он отказался благословить царя и потребовал отменить опричнину. В ответ опричники насмерть забили железными палками слуг митрополита, затем против митрополита был возбужден процесс в церковном суде. Филипп был извергнут из сана и сослан в Тверской Отроч монастырь.

Репрессии носили в целом беспорядочный характер. Хватали без разбора друзей и знакомых, челядь, уцелевших сторонников Адашева, родню находившихся в эмиграции дворян и т. д. Побивали всех, кто осмеливался протестовать против опричнины». В подавляющем большинстве они были казнены даже без видимости суда, по доносам и оговорам под пыткой. Федорову царь собственноручно нанес удар ножом, после чего опричники его изрезали своими ножами.

В 1569 году царь покончил со своим двоюродным братом: он был обвинен в намерении отравить царя и казнен вместе со слугами, его мать Ефросиния Старицкая утоплена с 12 монахинями в реке Шексне.

В декабре 1569 года, подозревая новгородскую знать в соучастии в «заговоре» недавно убитого по его приказу князя Владимира Андреевича Старицкого, и одновременно в намерении передаться польскому королю, Иван в сопровождении большого войска опричников выступил в поход против Новгорода.

Двинувшись на Новгород осенью 1569 года, опричники устроили массовые убийства и грабежи в Твери, Клину, Торжке и других встречных городах. Всего было убито 1505 человек, в основном – сидевших по темницам литовских и татарских пленников, а также выселенных из своих домов псковичей и новгородцев, застигнутых опричниками по дороге в Москву.

В Новгороде было казнено с применением различных пыток множество горожан, включая женщин и детей. Точный подсчет жертв велся лишь на первых порах, когда Иван Грозный целенаправленно уничтожал местную знать и приказных, устроив суд в «Рюриковом городище». Всего было убито 211 помещиков и 137 членов их семей, 45 дьяков и приказных, столько же членов их семей.

Среди убитых оказались: главные дьяки Новгорода К. Румянцев и А. Бессонов, боярин В. Д. Данилов, заведовавший пушечными делами, а также виднейший боярин Ф. Сырков, принимавший ранее участие в составлении «Великих Четий-Миней» и построивший на свои средства несколько церквей (его сначала окунули в ледяную воду Волхова, а затем живьем сварили в котле). После этого царь начал объезжать новгородские монастыри, отбирая у них все богатства, а опричники осуществили общее нападение на новгородский посад (остававшийся до тех пор нетронутым), в ходе которого погибло неведомое количество людей. С храма св. Софии были сняты Васильевские ворота и перевезены в Александрову слободу.

Расправившись с Новгородом, царь выступил на Псков. Его слуги убили игумена Псково-Печерского монастыря Корнилия, старца Вассиана Муромцева (с которым прежде переписывался А. М. Курбский), двух городовых приказчиков, одного подьячего и 30–40 боярских детей.

После похода начался «розыск» о новгородской измене, проводившийся на протяжении 1570 года, причем, к делу были привлечены и многие видные опричники. От этого дела сохранилось только описание в Переписной книге Посольского приказа: «Столп, а в нем статейной список из сыскного из изменного дела 78-го (1570) году на ноугородцкого архиепископа Пимина, и на новгородцких дьяков, и на подьячих, и на гостей, и на владычних приказных, и на детей боярских, и на подьячих, как они ссылались к Москве (были в связи с Москвой; далее – список) … что архиепископ Пимин хотел с ними Новгород и Псков отдати Литовскому королю, а царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии хотели злым умышлением извести, а на государство посадити князя Володимера Ондреевича; и в том деле с пыток многие про ту измену на новгородцкого архиепископа Пимина и

на ево советников и на себя говорили, и в том деле многие кажнены смертью розными казнми, а иные разосланы по тюрмам, а до ково дело не дошло, и те свобождены, а иные и пожалованы».

В 1571 году на Русь вторгся крымский хан Девлет-Гирей. Разложившаяся опричнина при этом продемонстрировала полную небоеспособность: привыкшие к грабежам мирного населения опричники просто не явились на войну, так что их набралось только на один полк (против пяти земских полков).

Москва была сожжена. В результате, во время нового нашествия в 1572 году, опричное войско было уже объединено с земским; в том же году царь вообще отменил опричнину и запретил само ее название, хотя фактически под именем «государева двора» опричнина просуществовала до его смерти.

Неудачные действия против Девлет-Гирея в 1571 году привели к окончательному уничтожению опричной верхушки первого состава: глава опричной думы, царский шурин М. Черкасский (Салтанкул мурза) «за намеренное подведение царя под татарский удар» был посажен на кол, ясельничий П. Зайцев повешен на воротах собственного дома, казнены были также опричные бояре И. Чеботов, И. Воронцов, дворецкий Л. Салтыков, кравчий Ф. Салтыков и многие другие. Причем, расправы не утихли даже после битвы при Молодях – отмечая победу в Новгороде, царь топил в Волхове «детей боярских», после чего был введен запрет на само имя опричнины. Тогда же Иван Грозный обрушил репрессии на тех, кто помогал ему прежде расправиться с митрополитом Филиппом: соловецкий игумен Паисий был заточен на Валааме, рязанский епископ Филофей лишен сана, а пристав Стефан Кобылин, надзиравший за митрополитом в Отроч монастыре, был сослан в далекий монастырь Каменного острова.

В 1576 году опричник Штаден предлагал германскому императору Рудольфу: «Ваше римско-кесарское величество должны назначить одного из братьев Вашего величества в качестве государя, который взял бы эту страну и управлял бы ею… Монастыри и церкви должны быть закрыты, города и деревни должны стать добычей воинских людей»…

Глава 9
Симеон – татарский хан на троне

Прошло три года, и память об опричнине потускнела. Подданные стали забывать о сумасбродной затее царя. Но в воздухе повеяло новой опричниной, когда в 1575 году. Грозный вторично отрекся от короны и посадил на трон служилого татарского хана Симеона Бекбулатовича. Татарин въехал в царские хоромы, а «великий государь» переселился на Арбат. Теперь он ездил по Москве «просто, что бояре». В Кремлевском дворце он садился поодаль от «великого князя», восседавшего на великолепном троне, и смиренно выслушивал его указы.

Современники не понимали смысла затеи монарха. Распространился слух, будто государь был напуган предсказанием кудесников. Известие об этом сохранил один из поздних летописцев: «А говорят нецыи, что для того сажал (Симеона), что волхви ему сказали, что в том году будет пременение: московскому царю будет смерть». Предупреждения такого рода самодержец получал от колдунов и астрологов не однажды.

Отречение Грозного не было следствием мгновенного решения. Этому шагу предшествовала длинная цепь событий. Самые драматические из них разыгрались за кулисами. Источники хранят по этому поводу молчание, и только Синодик опальных приоткрывает краешек завесы.

В Синодике можно обнаружить следующую запись: «Помяни, Господи, князя Бориса Тулупова, князя Володимера, князя Аньдрея, князя Никиту Тулуповы, Михайлоу Плещеев, Василиа Умной, Алексея, Федора Старово, Ориноу Мансурова… Якова Мансурова».

Названные в Синодике люди занимали при новом дворе особое положение. За год до коронации Симеона царь отпраздновал свадьбу с Анной Васильчиковой. На ней было немного приглашенных: избранные из избранных. Но вот что интересно: на свадьбе весело пировали те, кто вскоре лишился головы. Никто не подозревал, каким коротким окажется для них путь от свадебного стола до эшафота. Незадолго до свадьбы Грозный посетил Пыточный двор и задал вопрос боярским холопам, которых жгли на огне: «Хто из бояр наших нам изменяют?». И сам принялся подсказывать имена: «Василий Умной, князь Борис Тулупов, Мстиславский…». Царь начал с самых близких своих советников, стоявших подле него тут же на

Пыточном дворе. Он шутил, но от его слов у бояр леденела кровь.

В Синодике записаны не просто высокопоставленные чиновники двора. Знакомство с их биографиями убеждает в том, что перед нами руководители первого послеопричного правительства. В его состав входил князь Борис Тулупов, который сделал головокружительную карьеру. Вначале – скромный оруженосец, возивший царский самопал, а через год-два – член ближнего царского совета, вершивший дела государственной важности. Рядом с Тулуповым в Синодике записан Василий Умной. Этот был преемником Скуратова. Он с таким рвением продолжил начатый Малютой розыск о боярской измене, что тотчас был пожалован в «дворовые» бояре. За Умным во «двор» потянулась вся его многочисленная родня – Колычевы.

Очевидно одно: в итоге раскола власть перешла к крайним элементам, настоявшим на возврате к опричным методам управления. Первые симптомы конфликта внутри «дворового» руководства можно уловить в острых местнических спорах между Колычевыми, с одной стороны, Годуновыми и Сабуровыми – с другой. Боярин Федор Умной безнадежно проиграл тяжбу с боярином Богданом Сабуровым и был выдан ему «головой». Его родной брат боярин Василий Умной с трудом защищался от местнических претензий постельничего Дмитрия Годунова.

После казни Бориса Тулупова его старицкая вотчина досталась за «бесчестье» Борису Годунову. Мы никогда не узнаем, какое оскорбление потерпел от фаворита Годунов, но обидчик полностью оплатил счет, угодив на кол. Не лишним будет напомнить, что имущество опальных обычно делили между собой казна и доносчик. Борис постарался избавиться от неправедно нажитого имения. Едва Грозный умер, как он передал тулуповскую вотчину в монастырь с наказом вечно поминать двух братьев – Василия и Федора Умных, князя Бориса Тулупова и его мать Анну. Федор Умной кончил жизнь в монастыре, а Анна Тулупова, по словам очевидцев, была предана мучительной казни в день гибели сына. Будучи причастным к опале всех названных лиц, Борис велел поминать их всех 2 августа – очевидно, в день казни.

Итак, царь отправил руководителей первого послеопричного правительства на эшафот 2 августа 1575 года. Казни послужили толчком к расследованию второго новгородского «изменного» дела. Пущенная в ход машина террора не могла остановиться. Многие члены «двора» подверглись аресту. В числе их оказался личный медик Грозного Елисей Бомелей. «Лютый волхв» Елисей оставил по себе недобрую память в народе. Он оказывал царю услуги самого грязного свойства, приготовляя яды для впавших в

немилость придворных, а некоторых из них, например Григория Грязного, отравил собственноручно. Бомелей стал первым царским астрологом. Он знакомил царя с неблагоприятным положением звезд и предсказывал ему всевозможные беды, а затем «открывал» пути спасения. Грозный полностью доверял своему советнику. В конце концов, астролог запутался в сетях собственных интриг и решил бежать из России. Взяв на имя своего слуги подорожную, Бомелей отправился на границу, предварительно зашив в подкладку платья все свое золото. Но в Пскове подозрительного иноземца схватили и в цепях привезли в Москву. Грозный был поражен изменой любимца и велел зажарить его на огромном вертеле. Под пытками Бомелей оговорил новгородского архиепископа Леонида и многих знатных лиц. Вопреки легенде «волхв» и «колдун» подучил царя убить бояр не по злой воле, а по слабости, из-за того, что не смог вынести пытку.

Англичанин Горсей, видевший, как полуживого доктора везли с Пыточного двора в тюрьму, рассказал любопытные подробности о последних днях авантюриста. По его словам, царь поручил допросить Бомелея своему сыну Ивану и приближенным, заподозренным в сговоре с лейб-медиком. С помощью этих придворных Бомелей надеялся выпутаться из беды. Когда же «колдун» увидел, что друзья предали его, он заговорил и показал многое сверх того, о чем желал узнать царь. Среди оклеветанных им людей оказался видный придворный Протасий Юрьев-Захарьин, троюродный брат наследника. Имя его записано в Синодике. Как можно установить, новгородский архиепископ Леонид «преставился» к государевой опале 20 октября 1575 года, а четыре дня спустя палач обезглавил Захарьина-Юрьева. Все это не было случайным совпадением.

Новые кровавые казни в Москве связаны были с новгородским делом, главным героем которого стал владыка Леонид. Архиепископ принадлежал к тому кругу духовенства, который поддерживал тесную дружбу сначала с опричниной, а потом с «двором». Пользуясь полным доверием царя, он занял новгородский престол после опричного разгрома Новгорода. Местную церковь Леонид подчинил целям опричной администрации, которую в то время возглавлял Алексей Старой. Старой подвергся казни накануне суда над Леонидом. По словам современников, участь новгородского архиепископа разделили два других высокопоставленных духовных лица. Их имена записаны в кратком Синодике государевых опальных в одном списке с Леонидом: «архиепископ Леонид, архимандрит Евфимий, архимандрит Иосиф Симоновский». Евфимий

возглавлял кремлевский Чудов монастырь. Летописи упоминают о том, что он погиб вместе с Леонидом. Эти лица в самом деле были тесно связаны между собой. В годы опричнины в Чудовом монастыре сидел Левкий, любимец Грозного, навлекший на себя проклятия Курбского. Левкий передал обитель Леониду, а тот сделал своим преемником Евфимия. Весь этот кружок лиц запятнал себя сотрудничеством с опричниной. К нему принадлежал также и архимандрит Симонова монастыря. Названный монастырь удостоился особой чести: он был зачислен в опричнину.

Покорное духовенство сквозь пальцы смотрело на многократные браки царя и другие прегрешения против церковных правил. Но сердечному согласию пришел конец, едва Грозный объявил о полном запрещении земельных пожертвований в пользу крупных монастырей. Царь не скрывал, что его раздражают вчерашние любимцы. Монахи Симонова и Чудова монастырей, писал царь за два года до казней, «лишь по одежде иноки, а все по-мирскому делают, что все видят». Архимандриты подавали худой пример братии. Царю доносили, что симоновский архимандрит, «не хотя быти в архимандритах и умысля, причастился бес патрихели, а сказал, буттося беспамятством». Монахи могли рассчитывать на снисхождение, если бы речь шла об одном неблагочинии. Но против них выдвинуты были другие обвинения. Царь разгневался на своих богомольцев за то, что они «гонялись» за боярами, лукаво оправдываясь тем, что без боярских даяний их обители оскудеют. Не за дружбу ли с казненными «дворовыми» боярами пострадали Леонид и архимандриты?

Смерть Леонида породила множество легенд. Одни толковали, будто царь содрал с владыки одежду («сан») и, в «медведно ошив (зашив в медвежью шкуру), собаками затравил». По другой версии, Леонид «удавлен» был на площади перед Успенским собором в Кремле. Но самый осведомленный из авторов – англичанин Горсей – утверждает, что суд приговорил Леонида к смертной казни, а царь помиловал его и заменил смертную казнь вечным заточением. Владыку посадили в погреб на хлеб и воду, и он вскоре умер. На суде, замечает Горсей, Леонида обвинили в том, что он занимался колдовством и содержал в Новгороде ведьм. После суда ведьм сожгли. Можно ли доверять рассказу Горсея? Нет ли тут вымысла? Поминальная запись Синодика не оставляет сомнений на этот счет: «Помяни, Господи, в Новегороде 15 жен, а сказывают ведуньи волхвы». Перед нами те самые колдуньи Леонида, о которых рассказал Горсей.

Суд осудил Леонида как еретика и государственного преступника. Архиепископ якобы поддерживал изменнические связи с польским и шведским королями. Обвинения были столь нелепы, что им могли поверить лишь вконец запуганные люди. Царь опасался возражений влиятельных церковных кругов и прибег к шантажу. В описи царского архива можно обнаружить указание на сыскное дело «про московского митрополита Антония да про крутицкого владыку Тарасия 7083 и 7084 году». Самое примечательное – это дата розыска. 7083 год истекал 31 августа, а 7084 год начинался 1 сентября 1575 года. Следовательно, царь шантажировал митрополита в то самое время, когда полным ходом шла подготовка к суду над Леонидом.

Некоторые историки видели в отречении Грозного и передаче трона хану Симеону игру или причуду, смысл которой был неясен, а политическое значение ничтожно. Приведенные выше факты показывают, что отречение Грозного связано было с серьезным внутренним кризисом. Второе новгородское дело скомпрометировало многих высокопоставленных лиц из числа бояр и князей церкви. Страх перед всеобщей изменой преследовал царя как кошмар. Он жаждал расправы над заговорщиками, но не имел больше надежной военной силы. «Двор» не оправдал возложенных на него надежд. Главные руководители «двора» были обвинены в государственной измене и кончили жизнь на плахе.

Основная трудность, с которой столкнулись Грозный и его окружение, состояла, однако, в другом. Отмена опричнины аннулировала те неограниченные полномочия, которыми облек царя указ об опричнине. Никто не мог помешать Грозному казнить «ближних людей» из состава «двора». Он добился осуждения некоторых влиятельных церковных иерархов, непопулярных в земщине из-за пособничества опричнине. Но царь не решился поднять руку на могущественных земских вассалов, не имея на то санкции Боярской думы и церковного руководства. Опричная гроза не сокрушила боярскую аристократию. Царь Иван по-прежнему должен был сообразовывать свои действия с мнением знати. Полностью игнорировать Боярскую думу было рискованно, особенно в тот момент, когда обнаружилось, что охранный корпус царя – его «двор» – недостаточно надежен. Видимо, царь и его окружение долго ломали голову над тем, как без согласия думы возродить опричный режим и в то же время сохранить видимость законности в Русском государстве, пока склонность к шуткам и мистификациям не подсказала царю нужное решение. На сцене появилось новое лицо – великий князь Симеон. Трагедия неожиданно обернулась фарсом.

О личности Саин Булата Бекбулатовича известно немногое. Он сыграл роль, для которой больше всего подходил человек слабый и заурядный. Грозный делал с подручным ханом все, что хотел. Сначала посадил его на «царство» в Касимов, потом свел с мусульманского удельного княжества, крестил, переименовал в Симеона и женил на овдовевшей дочери князя Мстиславского. Служилый татарский хан, вчерашний басурманин, не пользовался влиянием в боярской и церковной среде. Но Грозному импонировали царское происхождение Симеона, а еще больше его полная покорность, и он поставил его во главе земской думы. Однако подручный хан не обладал достаточным авторитетом для того, чтобы единолично решать дела от имени думы. Чтобы преодолеть это затруднение, Грозный объявил о своем отречении от трона в пользу Симеона и провозгласил главу Боярской думы «великим князем всея Руси». Затем без особых хлопот он получил от своего ставленника согласие на введение в стране чрезвычайного положения. С переходом в «удел» князю Иванцу Московскому (так называл теперь себя Грозный) не надо было больше обращаться к думе. Свои указы он облекал в форму челобитных на имя великого князя.

Тотчас после гибели новгородского архиепископа Леонида Иван IV подал Симеону свою первую челобитную с просьбой, чтобы тот «милость показал, ослободил людишок перебрать бояр и дворян и детей боярских и дворовых людишок: иных бы еси ослободил отослать, а иных бы еси ослободил принять». Челобитная ставила «великого князя» в явно неравноправное положение с «удельным князем». Иванец Московский мог принять в «удел» любого из подданных «великого князя» Симеона. Симеону же категорически воспрещалось принимать служилых людей из «удела». Вновь организованная «удельная» армия как две капли воды походила на старую опричную гвардию. Взятые в «удел» дворяне теряли свои поместья в земщине и получали взамен земли на территории «удельного» княжества. Новоявленный «удельный» князь обошел молчанием вопрос о размежевании великокняжеских и «удельных» владений, оставив его целиком на свое усмотрение. Иванец Московский нарочно составил свою челобитную в таких выражениях, чтобы убедить подданных, будто речь идет не о новом разделе государства на земщину и опричнину, а всего лишь об очередной реорганизации «двора» и «переборе людишок».

Накануне первой опричнины царь покинул столицу, прежде чем объявить об отречении от престола. Накануне второй опричнины Грозный не захотел покинуть Москву и забрал в «удельную» казну царскую корону и другие регалии. Объясняя

английскому посланнику свой необычный поступок, Иван сказал между прочим: «Посмотри также: семь венцов еще в нашем владении со скипетром и с остальными царскими украшениями». Можно установить, с какими регалиями предстал перед англичанином развенчанный великий государь. Указы из «удела» составлялись от имени «государя, князя Ивана Васильевича Московского и Псковского и Ростовского». К этим трем древним княжеским коронам Иванец присоединил венцы двух «удельных» княжеств – Дмитровского и Старицкого, а также венцы Ржевы и Зубцова.

Московскому князю понадобился примерно месяц на то, чтобы выкроить «удельные» владения и сформировать в них новую опричную гвардию. В «удел» попали в основном земли, не числившиеся в опричине. (Исключение составили Ростов и Старица.) Как видно, князь Московский не желал пустить в «удел» служивую мелкоту Суздаля, Вязьмы, Можайска, Костромы, некогда составлявшую опричный корпус.

Управление «уделом» осуществляла «удельная» дума, возглавленная Нагими, Годуновыми и Бельским. Старый постельничий царя Дмитрий Годунов подвизался на поприще политического сыска: Постельный приказ расследовал заговоры против особы царя. Заслуги Дмитрия Годунова были оценены, и он получил боярский чин, не полагавшийся ему по «худородству». Его племянник Борис вошел в «удельную» думу с чином кравчего, а свояк Бориса Богдан Бельский стал оружничим. Афанасий Нагой оказал царю важные услуги, будучи послом в Крыму. Он разоблачил мнимую измену бояр в пользу крымского хана и тем обеспечил себе карьеру. Под влиянием Афанасия Нагого царь ввел в «удельную» думу его брата Федца, пожаловав ему чин окольничего, а позже женился на его племяннице Марии Нагой. Образовавшийся триумвират – Нагие, Бельский, Годуновы – сохранил влияние при дворе Грозного до последних дней его жизни.

Публичные казни, осуществленные через месяц после отречения Грозного, произвели тягостное впечатление на современников. Летописцы подробно описали их. Но даже беглое знакомство с летописными заметками позволяет обнаружить разноголосицу источников.

Чтобы установить достоверные факты, следует вновь обратиться к Синодику опальных царя Ивана. В нем записаны следующие лица: «Князь Петра Куракина, Иона Бутурлина с сыном и з дочерью, Дмитрея Бутурлина, Никитоу Борисов, Василия Борисова, Дружиноу Володимеров, князя Данила Друцкой, Иосифа Ильина, протопоп, подьячих три человеки,

простых пять человекь крестьян».

Кем же были эти люди, жертвы второй опричнины? Боярин князь Петр Куракин лишь по чистой случайности уцелел в годы первой опричнины. Его брата, боярина Ивана, заточили тогда в монастырь. Он сам попал в ссылку в Казань и пробыл там десять лет. В Москву его вернули только затем, чтобы возвести на эшафот.

Боярин Иван Бутурлин, окольничий Дмитрий Бутурлин и окольничий Борисов были людьми другой судьбы. Они вошли в опричную думу, когда опричнина переживала закат. После ее полной ликвидации они сбросили черное опричное одеяние и перешли в земскую думу. Аналогичным был жизненный путь других опальных из Синодика.

Князь Данила Друцкий, виднейшие дьяки Дружина Володимеров и Осип Ильин сделали карьеру в опричнине, а затем перешли в земщину и возглавили там приказы. Володимеров сидел в Разбойном приказе, Ильин – в Дворцовом. (Во главе этого приказа стоял дворецкий Никита Романов.) Очевидец событий Генрих Штаден сообщает, что Ильин был «позорно казнен в Дворцовом приказе». Расшифровать его слова помогает следующая запись Синодика: «подьячих три человеки, простых пять человекь крестьян». Эти люди были убиты с Ильиным, когда царские слуги ворвались в его приказ и учинили там погром. Вновь гнев царя обрушился на дьяков и подьячих Кремля. В одной компании с кремлевскими приказными людьми оказался протопоп Архангельского собора в Кремле Иван. Его «посадили в воду», попросту говоря, утопили в реке.

Источники позволяют установить, что царь казнил своих бывших опричников в конце ноября 1575 года. Приведенная дата служит последним звеном в длинной цепи фактов. Итак, в августе Грозный расправился с руководителями «двора», в сентябре – октябре расследовал новгородскую измену, в конце октября отрекся от престола, в течение месяца создал новую опричнину – «удел», наконец, отдал приказ о казни виднейших земских бояр.

Современники глухо сообщают, что причиной новых опал был раздор в царской семье. Вычурным и замысловатым слогом московский летописец повествует о том, будто царь «мнети почал на сына своего царевича Ивана Ивановича о желании царства». Наследника, как видно, заподозрили в намерении свергнуть отца и занять трон. Чтобы поставить препону сыну, Грозный нарек на великое княжение Симеона. Тогда близкие к наследнику бояре будто бы заявили: «Не подобает, государь, тебе мимо своих чад иноплеменника на государство поставляти». В ярости царь велел казнить этих «супротивников». Трудно судить, насколько

достоверен приведенный летописный рассказ. Можно лишь догадываться, что дело Бомелея скомпрометировало бояр, принадлежавших к ближайшему окружению наследника, и царь решил избавиться от них. Главным заговорщиком он, по-видимому, считал боярина Ивана Бутурлина. Вместе с опальным палач обезглавил его сына и дочь. Членов семей других опальных царь пощадил.

После первой серьезной ссоры с сыном Иваном царь заявил в присутствии бояр, духовенства и иноземных послов, что намерен лишить сына прав на трон и сделать наследником принца Датского Магнуса. Спустя пять лет он исполнил эту угрозу, но передал корону не Магнусу, а Симеону. Царскую семью раздирало родственное озлобление. Своими действиями самодур отец как бы говорил взрослому сыну: «Казню твоих братьев и приближенных, и трон отдам не тебе, а инородцу». Исторические песни сохранили смутное предание о том, что царевич Иван спасся от смерти благодаря заступничеству любимого дяди боярина Никиты Юрьева. Известно, что во время расследования дела о заговоре в пользу наследника Грозный велел ограбить Никиту Юрьева. Не обделил вниманием царь и других руководителей земщины. По его приказу отрубленные боярские головы были брошены «по дворам» митрополиту Антонию, князю Ивану Мстиславскому, Ивану Меньшому Шереметеву, дьяку Андрею Щелкалову. Но как бы ни куражился Иван, сколько бы ни учил наследника палкой, он никогда не помышлял о суде над ним. Более того, отрекшись от царского сана, он взял сына в «удел» и объявил его своим соправителем. Все распоряжения из «удела» шли от имени двух князей московских: Ивана Васильевича и Ивана Ивановича.

На третий день после публичной экзекуции в Кремле Иван IV вызвал английского посланника, информировал его о во княжении Симеона и добавил, что «поводом к тому были преступные и злокозненные поступки наших подданных, которые ропщут и противятся нам за требование верноподданнического повиновения и устрояют измены против особы нашей». Смысл разъяснений был предельно ясен. Иван Московский казнил бояр за отказ верноподданнически повиноваться ему. Опасаясь, как бы посол не принял всерьез его отречение, Иван IV заявил, что «передал сан в руки чужеродца, нисколько не родственного ни ему, ни его земле, ни его престолу». Объяснение с послом невольно вскрыло всю истину. Служилый татарин лишь потому призван был сыграть главную роль в затеянном маскараде, что не имел решительно никаких прав на русский престол. Грозный намеренно воскресил призрак ненавистной татарщины, при

которой великокняжеской властью распоряжался хан, а подручный московский князь приносил ему челобитные. Как видно, Иван IV предусмотрительно старался сделать преемника пугалом в глазах подданных, чтобы не дать ему возможности утвердиться на троне. Церемония передачи власти Симеону носила двусмысленный характер. По замечанию летописи, царь посадил его на престол «своим произволением». То же обстоятельство отметили иностранные наблюдатели. Как писал Горсей, царь передал венец Симеону и короновал его без согласия Боярской думы. Отмена церемонии присяги новому государю в думе лишала акт коронации законной силы. Неопределенность положения Симеона усугублялась тем обстоятельством, что он занял царский трон, но получил вместо царского один только великокняжеский титул.

На третьем месяце правления Симеона царь сказал английскому послу, что сможет вновь принять сан, когда ему будет угодно, и поступит, как Бог его наставит, потому что Симеон еще не утвержден обрядом венчания и назначен не по народному избранию, а лишь по его соизволению. Но и после этого заявления Грозный не спешил с окончанием маскарада. Татарский хан пробыл на московском троне около года. Царь полагал, что услуги покорного Симеона могут понадобиться ему в будущем, и потому вместо уничтожения соперника «отставил» его с почетом. Покинув Москву, Симеон перешел на «великое княжение» в Тверь.

Под видом «удела» царь воскресил в стране опричные порядки. Но на этот раз гонения затронули небольшое число лиц. Погромы не повторились. «Удельная политика» послужила своего рода послесловием к опричной политике. Царь довершил разгром того боярского круга, который управлял опричниной в конце ее существования.

«Княжение» Симеона не оказало серьезного влияния на внутреннее состояние страны.

Глава 10
Внешняя политика

Крымские ханы династии Гиреев с конца XV века были вассалами Османской империи, проводившей активную экспансию в Европе. С того же времени в Казанском ханстве существовала сильная промосковская партия. С начала XVI века, с ликвидацией Большой орды и возникновением общей границы между Московским государством и Крымским ханством, крымские ханы стали претендовать на Казань и Астрахань и проводить регулярные набеги на Московское государство. Часть московской аристократии и римский папа настойчиво требовали от Ивана Грозного вступить в борьбу с турецким султаном Сулейманом Первым.

В первой половине XVI века, преимущественно в годы правления ханов из крымского рода Гиреев, Казанское ханство вело постоянные войны с Московской Русью. Всего казанские ханы совершили около сорока походов на русские земли, в основном в регионы Нижнего Новгорода, Вятки, Владимира, Костромы, Галича, Мурома, Вологды. «От Крыма и от Казани до полуземли пусто было», – писал царь, описывая последствия нашествий.

Историю казанских походов часто отсчитывают от похода, состоявшегося в 1545 году, который «носил характер военной демонстрации и усилил позиции „московской партии“ и др. противников хана Сафа-Гирея». Москва поддержала лояльного Руси касимовского правителя Шах-Али, который, став казанским ханом, одобрил проект унии с Москвой. Но в 1546 году Шах-Али был изгнан казанской знатью, которая возвела на трон хана Сафа-Гирея из враждебно настроенной к Руси династии. После этого было решено перейти к активным действиям и устранить угрозу, исходящую от Казани. «Начиная с этого момента, – указывает историк, – Москва выдвинула план окончательного сокрушения Казанского ханства».

Всего Иван IV возглавил три похода на Казань.

Первый поход охватывает период 1547–1548 годов. Царь вышел из Москвы 20 декабря, из-за ранней оттепели в 15 верстах от Нижнего Новгорода под лед на Волге ушла осадная артиллерия и часть войска. Царь решил вернуться с переправы назад в Нижний Новгород, тогда как главные воеводы с сумевшей переправиться частью войска дошли до Казани, где вступили в бой с казанским войском. В результате казанское войско

отступило за стены деревянного кремля, на штурм которого без осадной артиллерии русское войско не решилось и, простояв под стенами семь дней, отступило. 7 марта 1548 года царь вернулся в Москву.

Второй поход (осень 1549 – весна 1550). В марте 1549 года Сафа-Гирей внезапно скончался. Приняв казанского гонца с просьбой о мире, Иван IV отказал ему, и начал собирать войско. 24 ноября он выехал из Москвы, чтобы возглавить войско. Соединившись в Нижнем Новгороде, войско двинулось к Казани и 14 февраля было у ее стен. Казань не была взята; однако при отходе русского войска недалеко от Казани, при впадении в Волгу реки Свияги было решено возвести крепость. 25 марта царь вернулся в Москву. В 1551 году всего за 4 недели из тщательно пронумерованных составных частей была собрана крепость, получившая название Свияжск; она послужила опорным пунктом для русского войска во время следующего похода.

Третий поход (июнь – октябрь 1552 года) – завершился взятием Казани. В походе участвовало 150-тысячное русское войско, вооружение включало 150 пушек. Казанский кремль был взят штурмом. Хан Едигер-Магмет был захвачен русскими воеводами. Летописец зафиксировал: «На себя же государь не велел имати ни единыя медницы (то есть ни единого гроша), ни плену, токмо единого царя Едигер-Магмета и знамена царские да пушки градские». И. И. Смирнов считает, что «Казанский поход 1552 года и блестящая победа Ивана IV над Казанью не только означали крупный внешнеполитический успех русского государства, но и способствовали укреплению власти царя».

В побежденной Казани царь назначил князя Александра Горбатого-Шуйского казанским наместником, а князя Василия Серебряного его помощником.

После учреждения в Казани архиерейской кафедры, царь и церковный собор по жребию избрали на нее игумена Гурия в сане архиепископа. Гурий получил от царя указание обращать казанцев в Православие исключительно по собственному желанию каждого человека, но «к сожалению, не везде держались таких благоразумных мер: нетерпимость века брала свое…».

С первых шагов по покорению и освоению Поволжья царь стал приглашать к себе на службу всю казанскую знать, согласившуюся ему присягнуть, послав «по всем улусам черным людям ясачным жалованные грамоты опасные, чтобы шли к государю не бояся ничего; а кто лихо чинил, тому Бог мстил; а их государь пожалует, а они бы ясаки платили, якоже и прежним казаньским царем». Такой характер политики не только не требовал сохранения в Казани основных военных сил Русского

государства, но, напротив, делал естественным и целесообразным торжественное возвращение Ивана в столицу.

Сразу после взятия Казани, в январе 1555 года, послы сибирского хана Едигера просили царя, чтобы он «всю землю Сибирскую взял под свое имя и от сторон ото всех заступил (защитил) и дань свою на них положил и человека своего прислал, кому дань собирать».

Завоевание Казани имело громадное значение для народной жизни. Казань была хронической язвой московской жизни, и потому ее взятие стало народным торжеством, воспетым народной песней. После взятия Казани, в течение всего 20 лет, она была превращена в большой русский город; в разных пунктах инородческого Поволжья были поставлены укрепленные города как опора русской власти и русского поселения. Народная масса потянулась, не медля, на богатые земли Поволжья и в лесные районы среднего Урала. Громадные пространства ценных земель были замирены московской властью и освоены народным трудом. В этом заключалось значение «Казанского взятия», чутко угаданное народным умом. Занятие нижней Волги и Западной Сибири было естественным последствием уничтожения того барьера, которым было для русской колонизации Казанское царство.

Завоевание Казани было не следствием личного славолюбия молодого царя и не было следствием стремлений великих, но не для всех понятных, каково, например, было стремление к завоеванию Прибалтийских областей; завоевание Казанского царства было подвигом необходимым и священным в глазах каждого русского человека… так как подвиг этот совершался для охранения русских областей, для освобождения пленников христианских.

В начале 1550-х годов Астраханское ханство являлось союзником крымского хана, контролируя нижнее течение Волги. До окончательного подчинения Астраханского ханства при Иване IV было совершено два похода.

Поход 1554 года был совершен под командованием воеводы князя Юрия Пронского-Шемякина. В сражении у Черного острова русское войско разбило головной астраханский отряд, а Астрахань была взята без боя. В итоге к власти был приведен хан Дервиш-Али, обещавший поддержку Москве. И поход 1556 года был связан с тем, что хан Дервиш-Али перешел на сторону Крымского ханства и Османской империи. Поход возглавил воевода Иван Черемисинов. Сначала донские казаки отряда атамана Ляпуна Филимонова нанесли поражение ханскому войску под Астраханью, после чего в июле Астрахань вновь взята

без боя. В результате этого похода Астраханское ханство было подчинено Московской Руси.

Позднее Крымский хан Девлет I Гирей предпринимал попытки отвоевать Астрахань. В 1560-х годах русские построили крепость Новая Астрахань недалеко от самого города. В это время Гирей объединился с турецким ханом Селимом. В 1569 году оба собрали войско, и к сентябрю оно достигло Астрахани. Жители мужественно оборонялись. Вскоре узнав о приближении русского войска, отказываясь зимовать в Астрахани, паша Касим вместе с турецким войском отступил. Отступил и хан, но вскоре со 120-тысячным войском опустошил Москву.

После покорения Астрахани русское влияние стало простираться до Кавказа. В 1559 князья Пятигорские и Черкасские просили Ивана IV прислать им отряд для защиты против набегов крымских татар и священников для поддержания веры; царь послал им двух воевод и священников, которые обновили павшие древние церкви, а в Кабарде проявили широкую миссионерскую деятельность, крестив многих в православие.

Войска Крымского ханства устраивали регулярные набеги на южные территории Московской Руси с начала XVI века (набеги 1507, 1517, 1521 годов). Их целью было ограбление русских городов и пленение населения. В царствование Ивана IV набеги продолжились.

Известно о походах Крымского ханства в 1536, 1537 годах, предпринятых совместно с Казанским ханством, при военной поддержке Турции и Литвы.

В 1541 году Крымский хан Сахиб I Гирей совершил поход, закончившийся безуспешной осадой Зарайска. Его войско было остановлено у реки Оки русскими полками под командованием князя Дмитрия Бельского.

В июне 1552 года хан Девлет I Гирей совершил поход к Туле. В 1555 году Девлет I Гирей повторил поход на Московскую Русь, но, не доходя до Тулы, спешно повернул назад, бросив всю добычу. При отходе вступил в сражение у села Судбищи с уступавшим ему по численности русским отрядом. На результат его похода это сражение не повлияло. Царь уступил требованиям оппозиционной аристократии о походе на Крым: «мужи храбрые и мужественные советовали и стужали, да подвижется сам (Иван) с своею главою, со великими войсками на Перекопского хана».

В 1558 году войско князя Дмитрия Вишневецкого одерживает победу над крымским войском у Азова, а в 1559 войско под командованием Даниила Адашева совершило поход на Крым, разорив крупный Крымский порт Гезлев (ныне – Евпатория) и освободив многих русских пленников.

После захвата Иваном Грозным Казанского и Астраханского ханств Девлет I Гирей поклялся вернуть их. В 1563 и 1569 годах вместе с турецкими войсками он совершает два безуспешных похода на Астрахань.

Поход 1569 года был значительно серьезнее предыдущих – вместе с сухопутной турецкой армией и татарской конницей по реке Дон поднялся турецкий флот, а между Волгой и Доном турки начали строительство судоходного канала – целью их было провести турецкий флот в Каспийское море для войны против своего традиционного врага – Персии. Десятидневная осада Астрахани без артиллерии и под осенними дождями окончилась ничем, все атаки гарнизон под командованием князя П. С. Серебряного отбил. Также неудачно закончилась и попытка прорыть канал – системы шлюзов турецкие инженеры еще не знали. Девлет I Гирей, не довольный усилением Турции в этом регионе, также скрытно мешал походу.

После этого совершается еще три похода в московские земли.

Поход на Москву – закончился сожжением Москвы. В результате апрельского крымско-татарского набега, согласованного с польским королем, были разорены южные русские земли, погибли десятки тысяч людей, более 150 тысяч русских уведено в рабство; за исключением каменного Кремля была сожжена вся Москва. Иоанн за неделю до того, как хан перешел Оку, из-за противоречивых данных разведки покинул войско и отправился в глубь страны собирать дополнительные силы; при известии о вторжении он переехал из Серпухова в Бронницы, оттуда – в Александровскую слободу, а из слободы – в Ростов, как то делали в подобных случаях его предшественники Дмитрий Донской и Василий I Дмитриевич. Победитель прислал к нему надменную грамоту: «Жгу и пустошу все из-за Казани и Астрахани, а всего света богатство применяю к праху, надеясь на величество божие. Я пришел на тебя, город твой сжег, хотел венца твоего и головы; но ты не пришел и против нас не стал, а еще хвалишься, что-де я московский государь! Были бы в тебе стыд и дородство, так ты б пришел против нас и стоял».

Царь Иван отвечал смиренной челобитной: «Ты в грамоте пишешь о войне, и если я об этом же стану писать, то к доброму делу не придем. Если ты сердишься за отказ к Казани и Астрахани, то мы Астрахань хотим тебе уступить, только теперь скоро этому делу статься нельзя: для него должны быть у нас твои послы, а гонцами такого великого дела сделать невозможно; до тех бы пор ты пожаловал, дал сроки и земли нашей не воевал».

К татарским послам он вышел в сермяге, сказав им: «Видишь-де меня, в чем я? Так-де меня царь (хан) зделал! Все-де мое

царство выпленил и казну пожег, датиде мне нечево царю».

Карамзин пишет, что царь передал Девлет-Гирею по его требованию некоего знатного крымского пленника, который в русском плену принял православие. Однако Девлет-Гирей не удовлетворялся Астраханью, требуя Казань и 2000 рублей, и летом следующего года нашествие повторилось.

Последний большой поход крымского хана в царствование Ивана IV, закончился уничтожением крымско-турецкого войска. Для решительного разгрома русского государства двинулась 120-тысячная крымско-турецкая орда. Однако в битве при Молодях враг был уничтожен 20-тысячным русским войском под водительством воевод М. Воротынского и Д. Хворостинина – в Крым вернулось 5 – 10 тысяч. Гибель отборной турецкой армии под Астраханью в 1569 году и разгром крымской орды под Москвой в 1572 положили предел турецко-татарской экспансии в Восточной Европе.

Русско-шведская война 1554–1557 была вызвана установлением торговых связей между Россией и Британией через Белое море и Северный Ледовитый океан, что сильно ударило по экономическим интересам Швеции, получавшей немалые доходы от транзитной русско-европейской торговли.

В начале своего правления Густав I Васа взял курс на войну с Россией. Король пытался создать антироссийский союз, в составе которого находились бы Ливония, Дания и Швеция, но организовать союз ему не удалось. Тем не менее, Густав решил не сдаваться.

Первым мотивом на объявление войны Швеции был захват русских купцов в Стокгольме. Вскоре, в январе 1555 года новгородскому наместнику был отдан приказ направить войска на границу. Войска должны были победить Шведские войска и взять вдвое-втрое больше, чем шведы награбили на русских землях. Однако войска противника были готовы к атаке и отразили россиян. Но, несмотря на это, шведы не были готовы к крупномасштабной операции. Вскоре они разработали тактику, и в апреле 1555 года шведская флотилия адмирала Якоба Багге прошла Неву и высадила войско в районе крепости Орешек. Началась осада крепости. Но новгородский наместник Дмитрий Палецкий быстро отреагировал, сообщив об этом Москве, и к Орешку двинулась рать под командованием воевод Андрея Ногтева и Петра Головина. Шведские силы три недели осаждали Орешек, и в это время к русским войскам присоединилась новгородская армия под командованием Шереметьева. Осада крепости результатов не принесла, шведское войско отступило. Был захвачен один шведский корабль с четырьмя пушками.

Русская армия запланировала ответный удар по Швеции. В Новгороде начали сборы армии, которая 20 января 1556 года, в количестве 20–25 тысяч человек под командованием Петра Щенятева перешла через Смолин и Лебежье и начала наступление на Выборг. Город осаждали три дня. А также уничтожили селения по берегам реки Вуоксы, заняли город Кивинебба (захватив 7 пушек и много другого имущества). Вскоре подоспели войска Швеции. Они разгромили сторожевой полк, но полк Ивана Шереметева неожиданно ударил по шведам, и те бежали в город. Вскоре возле города был поставлен «Лаврецкий погост», который должен был остановить армию, идущую от Стокгольма в Выборг. С задачей он справился.

Густав был очень обескуражен поражением Швеции. Это вынудило его отправить посольство во главе со Стеном Эрикссоном и архиепископом стокгольмским Ларса. В итоге в марте 1557 года в Новгороде было подписано перемирие сроком на 40 лет. Русско-шведская граница восстанавливалась по старому рубежу, определенному еще Ореховским мирным договором от 1323 года.

Важным историческим событием, связанным с эпохой правления Ивана Грозного является Ливонская война. 1553 год. Иван Грозный принимает капитана Ченслора. В 1547 году царь поручает саксонцу Шлитте привезти ремесленников, художников, лекарей, аптекарей, типографщиков, людей, искусных в древних и новых языках, даже теологов. Однако, после протестов Ливонии, сенат ганзейского города Любека арестовал Шлитте и его людей.

Весной 1557 года на берегу Нарвы царь Иван ставит порт: «Того же года, Июля, поставлен город от Немец усть-Наровы-реки Розсене у моря для пристанища морского корабельного», «Того же года, Апреля, послал царь и Великий князь околничего князя Дмитрия Семеновича Шастунова да Петра Петровича Головина да Ивана Выродкова на Ивангород, а велел на Нарове ниже Иванягорода на устье на морском город поставить для корабленного пристанища…». Однако Ганзейский союз и Ливония не пропускают европейских купцов в новый русский порт, и те продолжают ходить, как и прежде, в Ревель, Нарву и Ригу.

Существенное значение в выборе Иваном IV направления военных действий сыграл Посвольский договор 15 сентября 1557 года Великого княжества Литовского и Ордена, создавший угрозу установления литовской власти в Ливонии.

Согласованная позиция Ганзы и Ливонии по недопущению Москвы к самостоятельной морской торговле приводит царя Ивана к решению начать борьбу за широкий выход к Балтике.

Во время войны мусульманские области Поволжья стали

поставлять русскому войску «множае треюдесять тысящь бранных», хорошо подготовленных к наступлению.

Положение русских шпионов на территории Литвы и Ливонского ордена в 1548–1551 гг. описывал литовский публицист Михалон Литвин: «Имеется уже великое множество московских перебежчиков, нередко появляющихся среди нас, они тайно передают своим наши планы у ливонцев же таких убивают, хотя москвитяне не занимали никаких их земель, но всегда связаны с ними вечным миром и договором о соседстве. Более того, убивший получает, кроме имущества убитого, определенную сумму денег от правительства. В январе 1558 года Иван IV начал Ливонскую войну за овладение побережьем Балтийского моря. Первоначально военные действия развивались успешно. Несмотря на набег на южнорусские земли стотысячной крымской орды зимой 1558 года русская армия вела активные наступательные действия в Прибалтике, взяла Нарву, Дерпт, Нейшлосс, Нейгауз, разбила орденские войска у Тирзена под Ригой. Весной и летом 1558 года русские овладели всей восточной частью Эстонии, а к весне 1559 года армия Ливонского ордена была окончательно разгромлена, а сам Орден фактически перестал существовать. По указанию Алексея Адашева русские воеводы приняли предложение о перемирии, исходящее от Дании, которое длилось с марта по ноябрь 1559 года и начали сепаратные переговоры с ливонскими городскими кругами о замирении Ливонии в обмен на некоторые уступки в торговле со стороны немецких городов. В это время земли Ордена переходят под покровительство Польши, Литвы, Швеции и Дании.

Царь понимал, что без военного флота невозможно вернуть русские Балтийские земли, ведя войну со Швецией, Речью Посполитой и Ганзейскими городами, имевшими вооруженные силы на море и господствовавшими на Балтике. В первые же месяцы Ливонской Войны Государь пытается создать каперский флот, с привлечением на московскую службу датчан, превратив в военные корабли морские и речные суда. В конце 70-х годов Иоанн Васильевич в Вологде начал строить свой военный флот и попытался перебросить его на Балтику. Увы, великому замыслу не суждено было сбыться. Но даже эта попытка вызвала настоящую истерику у морских держав.

31 августа 1559 года магистр Ливонского ордена Готхард Кетлер и король Польши и Литвы Сигизмунд II Август заключили в Вильне соглашение о вступлении Ливонии под протекторат Польши, которое было дополнено 15 сентября договором о военной помощи Ливонии Польшей и Литвой. Эта дипломатическая акция послужила важным рубежом в ходе и

развитии Ливонской войны: война России с Ливонией превратилась в борьбу государств Восточной Европы за ливонское наследство.

В 1560 году на съезде имперских депутатов Германии Альберт Мекленбургский доложил: «Московский тиран принимается строить флот на Балтийском море: в Нарве он превращает торговые суда, принадлежащие городу Любеку, в военные корабли и передает управление ими испанским, английским и немецким командирам». Съезд постановил обратиться к Москве с торжественным посольством, к которому привлечь Испанию, Данию и Англию, предложить восточной державе вечный мир и остановить ее завоевания.

Выступление Грозного в борьбе за Балтийское поморье… поразило среднюю Европу. В Германии «московиты» представлялись страшным врагом; опасность их нашествия расписывалась не только в официальных сношениях властей, но и в обширной летучей литературе листовок и брошюр. Принимались меры к тому, чтобы не допустить ни московитов к морю, ни европейцев в Москву и, разобщив Москву с центрами европейской культуры, воспрепятствовать ее политическому усилению. В этой агитации против Москвы и Грозного измышлялось много недостоверного о московских нравах и деспотизме Грозного…

В январе 1560 Грозный приказал войскам снова перейти в наступление. Армия под командованием князей Шуйского, Серебряного и Мстиславского взяла крепость Мариенбург (Алуксне). 30 августа русская армия под командованием Курбского взяла резиденцию магистра – замок Феллин. Очевидец писал: «Угнетенный эст скорее согласен подчиниться русскому, чем немцу».

По всей Эстонии крестьяне восстали против немецких баронов. Возникла возможность быстрого завершения войны. Однако воеводы царя не пошли на захват Ревеля и потерпели неудачу в осаде Вейсенштейна. В Феллин был назначен Алексей Адашев (воеводой большого полка), однако он, будучи худородным, погряз в местнических спорах со стоявшими выше его воеводами, попал в опалу, вскоре был взят под стражу в Дерпте и там умер от горячки (ходили слухи, что он отравился, Иван Грозный даже послал в Дерпт одного из ближних дворян, чтобы расследовать обстоятельства смерти Адашева). В связи с этим покинул двор и постригся в монастырь Сильвестр, а с тем пали и их более мелкие приближенные – Избранной раде настал конец.

Во время осады Тарваста в 1561 Радзивилл убедил воевод

Кропоткина, Путятина и Трусова сдать город. Когда они вернулись из плена, то около года просидели в тюрьме, и Грозный простил их.

В 1562 году из-за отсутствия пехоты князь Курбский был разгромлен литовскими войсками под Невелем. 7 августа был подписан мирный договор между Россией и Данией, по которому царь согласился с аннексией датчанами острова Эзель.

15 февраля 1563 года сдался польско-литовский гарнизон Полоцка. Здесь по приказу Грозного был утоплен в проруби Фома, проповедник реформационных идей и сподвижник Феодосия Косого.

На предложение германского императора Фердинанда заключить союз и объединить усилия в борьбе с турками царь заявил, что он воюет в Ливонии практически за его же интересы, против лютеран. Царь знал, какое место занимала в политике Габсбургов идея католической контрреформации. Выступая против «Лютерова учения», Грозный задевал весьма чувствительную струну габсбургской политики.

Как только литовские дипломаты покинули Русь, военные действия возобновились. 28 января 1564 года полоцкая армия П. И. Шуйского, двигаясь в сторону Минска и Новогрудка, неожиданно попала в засаду и была наголову разбита войсками Н. Радзивилла. Грозный немедленно обвинил в предательстве воевод М. Репнина и Ю. Кашина (героев взятия Полоцка) и велел убить их. Курбский в связи с этим укорял царя, что он пролил победоносную, святую кровь воевод «во церквах Божиих». Несколькими месяцами спустя в ответ на обвинения Курбского Грозный прямо писал о совершенном боярами преступлении.

В 1565 году Август Саксонский констатировал: «Русские быстро заводят флот, набирают отовсюду шкиперов; когда московиты усовершенствуются в морском деле, с ними уже не будет возможности справиться…».

В сентябре 1568 года был свергнут с престола союзник царя Эрик XIV. Грозный мог лишь сорвать злость по поводу этой дипломатической неудачи, арестовав послов, присланных новым шведским королем Юханом III с объявлением разрыва договора 1567 года, но изменить антирусский характер шведской внешней политики это не помогло. Великая восточная программа ставила целью захват и включение в состав Шведского королевства не только тех земель в Прибалтике, которые были заняты Россией, но и Карелии, и Кольского полуострова.

В марте 1570 года Иван Грозный выдал «царскую грамоту» (каперское свидетельство) датчанину Карстену Роде. В мае того же года, купив и оснастив корабли на царские деньги, Роде вышел

в море и до сентября 1570 года промышлял в Балтийском море против шведских и польских купцов.

В мае 1570 года царь подписал с королем Сигизмундом перемирие сроком на три года, невзирая на огромное количество взаимных претензий. Провозглашение царем Ливонского королевства обрадовало и ливонское дворянство, получившее свободу вероисповедания и ряд других привилегий, и ливонское купечество, получившее право свободной беспошлинной торговли в России, а взамен пропускавшее в Москву иностранных купцов, художников и техников.

13 декабря 1570 года Дания и Швеция заключили мирный договор, окончивший семилетнюю войну между этими государствами.

Глава 11
Итоги царствования

Итоги правления, как и сам характер правителя – Ивана Васильевича Грозного – были отчасти противоречивы. Главным достижением и результатом правления стало образование централизованного государства Российского, равного по мощи державам прошлого. В XVI веке это государство, имевшее устойчивый, мощный государственный и военный аппарат, приобретает большой международный авторитет.

Однако, с другой стороны, полным провалом и потерей исконно русских земель закончилась Ливонская война. Если оценивать объективно, то еще при жизни царя все его внешние и внутренние начинания постиг крах. Жестокость и безжалостность сменялись в нем с раскаянием и переосмыслением своей безудержной натуры.

В это время была распространена быстрая и массовая смена землевладельцев, что давало повод крестьянам к эмиграции на земли (пространства юга и реки Дон), до которых опричнина еще не добралась. Политика Ивана Грозного подготавливала почву для Смуты и усугубляла тот кризис, решением которого она якобы должна была стать. Силы государства начали слабеть еще во время польской войны 70-х годов, которая закончилась поражением.

Разделение страны пагубно сказалось на экономике государства. Огромное число земель было разорено и опустошено. В 1581 году с целью предотвратить запустение имений царь ввел заповедные лета – временный запрет крестьянам уходить от своих хозяев в Юрьев день, что способствовало утверждению в России крепостнических отношений.

Ливонская война завершилась полной неудачей и потерей исконно русских земель. Объективные итоги царствования Иван Грозный мог увидеть уже при жизни: это был провал всех внутри– и внешнеполитических начинаний. С 1578 года царь перестал казнить. Почти в это же время он приказал составить синодики (поминальные списки) казненных и разослать по монастырям вклады на поминовение их душ; в завещании 1579 года каялся в содеянном.

Царствование Ивана Грозного, а именно итоги царствования характерны внешними и внутренними итогами. Важнейшим итоговым моментом можно обозначить полное торжество на

востоке над исконным врагом России – татарами, а также завоевание всего Поволжья и покорение Сибири. Поистине подобный результат деятельности мог бы соперничать со славой любого царствования.

Также нельзя не отдать должное попыткам поиска чрез Ливонию более удобного пути для слияния с Западом. Здесь решимость и желание царя характеризуются силой упорного духа. И, возможно, не все его начинания и замыслы увенчались успехом, но сама идея и собственное видение и представление судьбы страны свидетельствуют о незаурядных умственных способностях Ивана Грозного. Он мечтал о политическом сближении с более просвещенными странами. Именно с этой целью он заводил деятельные сношения и торговлю с Англией, проводил переговоры с папой и с императором. И, надо сказать, в результате талантливой дипломатической работы Ивана Грозного указанные страны и правители начали смотреть на московского царя как на естественного союзника в борьбе с турками, тогда еще весьма и весьма опасными для Европы.

Не менее важными и серьезными были внутренние итоги эпохи Ивана Грозного. Ранее никогда не прослеживалось настолько отчетливого осознания, как во время царствования Ивана Васильевича, недостатков в управлении, в судопроизводстве, в церковных делах, в нравах и обычаях.

Кроме того, ранее не прослеживалось и такого количества попыток исправить ситуации, забот, чтобы помочь беде, исправить недостатки, как при Грозном.

Призыв земских выборных на совет о важных государственных делах, земское самоуправление, новый более полный судебник, стоглавый собор ярко знаменуют и свидетельствуют об этих заботах и попытках поставить свое государство на путь истины и развития. Но успеху помешали застарелое невежество и нравственная загрубелость русских. У жителей России шестнадцатого века на тот момент не было ни умственной, ни нравственной силы для обновления. Тогда они свято следовали и блюли только свои сформированные и установленные десятки лет назад порядки и могли только крепко держаться за свою «святую старину», дурно понятую и совсем неподходящую к новым условиям жизни. Может быть, именно поэтому заботы об улучшении государственного строя и общественной жизни не принесли при Иване Грозном большой пользы и больших результатов.

Но, пожалуй, важнейшим внутренним событием царствования Ивана Грозного была страшная кровавая борьба самодержавия с боярством.

На тот момент знатные бояре, потомки удельных князей, плотно обступившие трон, заслоняли царя от народа. Никогда еще боярство не достигало в Москве такой силы, как в эпоху детства Ивана Грозного. С возрастом у него все больше и больше зрела мысль, что делу его предков, великих собирателей Русской земли, грозит беда, что самодержавие, которое так старательно растили они, будет заглушено потомками князей, уделы которых поглощены были Москвой. В итоге, борьба самодержавия с боярством становилась неизбежной.

Русские бояре не понимающие своих общих благ и выгод, не действовали слаженно и заодно. Напротив, они постоянно враждовали и воевали между собой, они всегда были на готове, дабы загубить друг друга ради своих собственных личных целей. Нескончаемое насилие, постоянная ложь и неправда боярства озлобили против себя народ, притом не раз изменяли своей присяге. И, надо сказать, это все облегчало и борьбу Ивана Грозного с ними и эта борьба имела все шансы именоваться законной. Жесткий и грубый произвол, личные обиды, которые царь перенес во время своего малолетства, породили в нем глубокую и непоколебимую ненависть. В итоге борьба его была жестокой, беспощадной.

Нельзя не вспомнить страшнейшей грубости нравов того времени – ту кулачную расправу, какая совершалась боярами на глазах царя-ребенка. Притом, юный Иван Грозный видел, как издеваются над людьми, близкими ему. Порывистая, бурная природа Ивана Васильевича, несмотря на его большой ум, не знала пределов ни в чем, а сердце его было испорчено еще с юных лет. Если учесть все эти моменты, то можно легко и без труда понять, почему страницы царствования Грозного в нашей истории считаются самыми ужасными и самыми кровавыми.

В итоге, боярство было Иваном Грозным раздавлено. Это тоже было в числе важнейших итогов его правления. Особенно сильно пострадали при Грозном более знатные боярские роды, а уцелевшим боярам пришлось смириться. Более того, это смирение достигало последней степени: в своих челобитных царю они уже раньше называли себя уменьшительными именами (например, холоп твой Иванец, Федорец и пр.), а теперь стали «величать себя» уничижительными именами (Ванька, Федька). Это и понятно, ведь постоянный страх унижает людей, портит нравы, порождает малодушие, скрытность, лесть, лукавство. Люди, стоявшие вокруг Грозного царя под конец царствования его, сильно изменились и, надо сказать, не в лучшую сторону – уж очень они обмельчали. О героях, верных царю и отечеству, о людях, смело говорящих истину, больше не было слышно. Вот

таким печальным итогом увенчалась беззаконная опричнина.

На бесчисленных телах казненных бояр, на нескончаемых потоках крови, часто безвинно пролитой, Иван Грозный, окруженный опричниками, стал страшен не только боярам, но и всему народу. Под конец он был страшен и самому себе.

Личность Ивана Грозного сохранилась в народной памяти. В народных песнях Иван Васильевич является в грозном величии завоевателя татарских царств и судьи, карающего измену.

«В жизни и смерти людей волен Бог да царь», – говорил уже тогда народ. Власть царя от Бога – Богу одному он должен и ответ давать за свои деяния. Так смотрел на свою власть царь, так смотрел на нее и народ. Жестокие казни Ивана Грозного в глазах народа были сравнимы с такой же Божьей карой за грехи, как голод, мор, пожары и другие подобные бедствия. Но все же суровые казни Грозного далеко не всегда были справедливыми.

Подводя итоги, можно отметить, что главным достижением и результатом правления стало образование централизованного государства. Однако, с другой стороны, полным провалом и потерей исконно русских земель закончилась Ливонская война. Если смотреть на ситуацию объективно, то еще при жизни царя все его внешние и внутренние начинания постиг крах. На смену царской жестокости и безжалостности приходило раскаяние и переосмысление своей безудержной натуры.

Начиная с 1578 года, царь перестал проводить казни. Спустя некоторое время он приказал составить поминальные списки казненных. Более того, он рассылал их по монастырям вместе с вкладами на поминовение.

Политика Ивана Грозного подготовила почву для Смуты и усугубила тот кризис, решением которого она и стала.

Глава 12
Семь жен царя

Среди историков нет согласия о количестве жен русского царя Ивана Грозного, кто-то называет цифру семь, кто-то четыре или три, считая, что царь нарушил древний обычай не иметь больше трех жен и неважно, что церковь одобрила его деяния…

Непростой была личная жизнь царя. 13 декабря 1546 года 16-летний Иван посоветовался с митрополитом Макарием о своем желании жениться. Сразу после состоявшегося в январе венчания на царство знатные сановники, окольничие и дьяки начали объезжать страну, подыскивая царю невесту. Был устроен смотр невест. Выбор царя пал на Анастасию, дочь вдовы Захарьиной. При этом царь руководствовался не знатностью рода, а личными достоинствами Анастасии.

Венчание состоялось 13 февраля 1547 года в храме Богоматери. Благодаря браку Анастасии произошло возвышение рода Романовых, а после пресечения московской линии Рюриковичей в 1598 году близкое родство с последним царем Федором дало основания Романовым претендовать на престол. Избранный в 1613 году первый царь из дома Романовых Михаил Федорович – внучатый племянник Анастасии Романовны, внук ее брата Никиты.

Женитьба на неровне была плохо воспринята боярами. Например, князь Семен Лобанов-Ростовский обвинил Ивана Васильевича в том, что «их всех государь не жалует, великих родов бесчестит, а приближает к себе молодых людей, а нас ими теснит, да и тем нас истеснился, что женился, у боярина у своего дочерь взял… рабу свою. И нам как служити своей сестре?».

По словам летописцев: «предобрая Анастасия наставляла и приводила Иоанна на всякия добродетели». Англичанин Дорсет пишет о ней аналогично: «Эта Царица была такой мудрой, добродетельной, благочестивой и влиятельной, что ее почитали и любили все подчиненные. Великий князь был молод и вспыльчив, но она управляла им с удивительной кротостью и умом». Почти не вмешивалась в дела супруга, но заслужила от недоброжелателей сравнение с нечестивой императрицей Евдоксией, гонительницей Златоуста – по аналогии с ее неприязнью к Сильвестру.

В посланиях к Курбскому царь упрекал бояр в ненависти к Анастасии, которую они сравнивали с Евдоксией; Сильвестру и его друзьям она была «единого ради малого слова непотребна».

Курбский, говоря о смерти царицы, упоминает о клевете на Сильвестра и Адашева, «аки бы счаровали ее оные мужи». Как и было принято в теремах, занималась рукоделием, вышивая пелены, покровцы, плащаницы, воздухи для церквей. Некоторые из них сохранились по сей день.

Царица родила шестерых детей, большинство из которых умерло во младенчестве. Ее здоровье было подорвано частыми родами и болезнями. В 1559 году она серьезно заболела. Во время этой болезни у царя случилось столкновение с кем-то из советников, которых он и так подозревал в нерасположении к Захарьиным, и которые, со своей стороны, считали Захарьиных главною причиною своего падения.

Из-за московского пожара 1560 года царицу увезли в село Коломенское, где она вскоре скончалась. Версию об отравлении Анастасии поддерживает исследование ее останков, проведенное в 2000 году по инициативе заведующей археологическим отделом музеев Кремля Татьяны Пановой. Вместе со специалистами из Бюро судебно-медицинской экспертизы Комитета здравоохранения Москвы геохимики провели спектральный анализ сохранившейся темно-русой косы царицы. В значительной концентрации обнаружены ртуть, мышьяк, свинец. По оценкам ученых такого количества ртути, которая была главным ядом той эпохи, не могло накопиться даже при ежедневном использовании средневековой косметики, для которой типично было высокое содержание соединений ядовитого металла. Таким образом, версия об отравлении подтверждается. На похоронах Иван рыдал и «от великого стенания и от жалости сердца» едва держался на ногах».

Всю жизнь он вспоминал об Анастасии с сожалением и сравнивал с ней последующих жен. Смерть Анастасии Романовны, наступившая при обстоятельствах, позволяющих предположить отравление, стала причиной резкого психологического кризиса Ивана Грозного. Подозревая окружающих в ее убийстве, он начал первую заметную кампанию террора против бояр и ближних советников. А ведь до 1560 года отношения Ивана с высокопоставленными придворными были уже достаточно напряженными, но только с этого времени принято говорить о переходе к террору.

Сам царь во втором послании к Курбскому писал: «…а и с женою меня вы про что разлучили? Только бы у меня не отняли юницы моея, ино бы Кроновы жертвы не было». Также Иван указывал, что «и отравами царицу Анастасию изведоша». Князь Курбский в «Истории о великом князе Московском» писал, что в смерти жены, вызванной, по мнению Иоанна Грозного,

«чародейством», царь обвинил своих бывших советников священников Сильвестра и А. Ф. Адашева. Доказательств прямых не было, кроме показаний польки Магдалены, тайной католички, жившей в доме Адашева, которые были добыты под пыткой. На совместном заседании Боярской думы и освященного Собора во главе со святителем Макарием, митрополитом Московским, обвиняемые были осуждены. Со смертью же царицы Анастасии царь стал гневлив и весьма блудлив: «умершей убо царице Анастасии нача царь яр быти и прелюбодействен зело».

Несмотря на искреннюю привязанность к Анастасии, через две недели после ее смерти царь объявил, что женится снова. На этот раз, в поисках политического альянса, на сестре польского короля Сигизмунда II Августа принцессе Екатерине Ягеллонке.

Но Сигизмунд отказал ему, и год спустя после смерти своей первой жены, в 1561 году, царь женился на княжне с Северного Кавказа Марии Темрюковне Черкасской.

15 июля 1561 года княжна Кученей, «из черкас пятигорских девица», приехала в Москву вместе с братом Салтанкулом. Им отвели хоромы вблизи Кремля. Вскоре, царь «княжне Черкасской велел быть на своем дворе, смотрел ее и полюбил». Вскоре в дворцовом Благовещенском соборе собравшимся боярам и духовенству объявили, что Гошаней готовится к обряду крещения и будет наречена Марией – во имя святой Марии Магдалины. В тот же день царь назвал ее своей невестой и по древнему русскому ритуалу вручил своей суженой кольцо и платок, унизанный жемчугом. Была крещена под именем «Мария» митрополитом Макарием.

После завершения обряда крещения Иван Васильевич по обычаю преподнес Марии золотой крест-складень, а царевичи Иван и Федор вручили ей кресты, украшенные алмазами и жемчугом. В 1562 году и в другие годы сопровождала царя в объезде по монастырям. В июле 1563 года ездила из Александровой слободы с царевичем Иваном Ивановичем на богомолье в Суздаль, а оттуда в Ростов. Единственный ее ребенок, о котором известно, – царевич Василий Иванович – умер в двухмесячном возрасте в мае 1563, а погребен, по-видимому, в Архангельском соборе, но его надгробие не сохранилось.

В русской истории традиционно принято придавать образу Марии Темрюковны негативные черты и считать ее отрицательным персонажем в жизни Ивана Грозного, дурно повлиявшим на его характер. Некоторые современники обвиняли «злонравную» Марию в «порче нрава» царя и переходе к террору. «Второй брак Иоаннов не имел счастливых действий первого. Мария, одною красотою пленив супруга, не заменила Анастасии

ни для его сердца, ни для Государства, которое уже не могло с мыслию о Царице соединять мысль о Царской добродетели».

Современники пишут, что «сия Княжна Черкесская, дикая нравом, жестокая душою, еще более утверждала Иоанна в злых склонностях, не умев сохранить и любви его, скоро простывшей: ибо он уже вкусил опасную прелесть непостоянства и не знал стыда. Равнодушный к Марии, Иоанн помнил Анастасию, и еще лет семь, в память ее, наделял богатою милостынею святые монастыри Афонские».

Мария Темрюковна умерла 6 сентября 1569 года в Александровой слободе после возвращения из длительного путешествия в Вологду. Как и после смерти Анастасии, Иван подозревал бояр в том, что они ее «извели», утверждая, что она «злокозньством отравлена бысть».

Определенная в жены царю после традиционной процедуры смотрин невест, новая нареченная царская невеста Марфа Васильевна Собакина вскоре тяжело заболела. Брак состоялся 28 октября 1571 года, царица Марфа скончалась через 15 дней. Как и в случае с первыми двумя женами Ивана, Анастасией Романовной и Марией Темрюковной, ранняя кончина царицы породила подозрения в отравлении и вызвала гнев Ивана.

По некоторым данным, в ходе расследования было казнено 20 человек. Добиваясь права заключить запрещенный церковью четвертый брак, Иван клялся духовенству, что из-за болезни невесты и ее скоропостижной смерти она не успела стать ему женой. Исследование останков Марфы, проведенное в 1990-е годы, не выявило ядовитых металлов и прочих устойчивых веществ. Это, впрочем, не исключает использования растительного яда, не поддающегося химическому анализу.

Существует легенда, что во время вскрытия гробницы царская невеста лежала в гробу бледная, но как бы живая, не тронутая тлением, несмотря на то, что пролежала под землей 360 лет. Однако в течение нескольких минут после вскрытия ее лицо почернело и превратилось в прах.

Меньше чем через два месяца после смерти Марфы, вопреки церковным установлениям, Иван женился в четвертый раз, на этот раз на дочери одного из своих вельмож Анне Колтовской. Она была выбрана на том же смотре невест, что и третья жена царя, Марфа Собакина, и была призвана после скоропостижной смерти последней.

Царь жил с ней с 1572 до 1575 год, но после он заключил ее в Тихвинский монастырь, где она и умерла в 1627 году под именем сестры Дарьи. Анна сумела оказать существенное влияние на Ивана Грозного. Вела систематическую борьбу против опричнины

из мести к царю, т. к. ее избранник, князь Вяземский, был замучен в одном из Московских застенков по указанию царя. За один год, в течение которого Иван Грозный находился под влиянием Анны и ее окружения, были казнены или сосланы почти все руководители опричнины.

Четвертый брак был заключен царем в нарушение всех церковных правил. Духовенство не смело перечить самодержцу. Как значилось в решении Священного собора, церковь разрешила царю брак «ради его теплого умиления и покаяния». Собор принял решение наложить на государя епитимью. В течение года ему запрещалось входить в церковь, исключая праздник Пасхи. Во второй год ему надлежало стоять в церкви с грешниками, на коленях. Лишь на третий год монарх мог молиться вместе с верующими и принимать причастие. Однако все эти запреты сводила на нет оговорка: «А пойдет государь против недругов за Святые Божия церкви, и ему, государю, епитимья разрешити». Поскольку война не стихала ни на один месяц, царь мог не беспокоиться насчет епитимьи. Опасаясь, что пример благочестивого государя пагубным образом повлияет на нравственность народа, собор указал «всем человецем», от бояр до простых, «да не дерзнет (никто) таковая сотворити, четвертому браку сочетатися», «аще кто гордостию дмяся или от неразумия дерзнет таковая сотворити… да будет за таковую дерзость по священным правилам проклят».

Мария Долгорукая является по некоторым сведениям пятой женой царя Ивана IV Васильевича Грозного. Имя отца Марии в источниках не упоминается, известно только то, что она происходила из рода князей Долгоруких (Долгоруковых).

В ноябре 1573 года Марию приблизил к себе царь Московский и всея Руси Иван IV Грозный. Неизвестно, состоялось ли венчание. По канонам русской православной церкви разрешено было только три брака. Для женитьбы на четвертой жене, Анне Колтовской Иван получил разрешение от церкви, однако развелся он с ней только в 1575 году. Но по некоторым сведениям Иван Грозный тайно женился на Марии, но брак не был каноническим. Он продолжался только один день. Обвинив Марию в том, что она в момент брака не была девственной, Иван приказал привязать ее к телеге с дикими лошадьми и пустил в пруд, в котором она и погибла.

Анна Васильчикова (по некоторым данным, Анна Григорьевна) – шестая супруга царя Ивана Грозного, после Марии Долгорукой, убитой по приказу Ивана Грозного.

Царь Иван взял ее к себе около 1575 года. Неясно, венчался ли он с ней или нет, носила ли Анна сан царицы. Не известно

также, чья она дочь. То обстоятельство, что при царском дворе, между ближними царскими людьми, не видно ее родственников и что в обиходе Волоколамского монастыря, где записано по «Анне Васильчиковой дачи государские сто рублей», она не названа царицей, – говорит, кажется, за то, что Васильчикова не была венчана. Прожив с царем года два, Васильчикова была против собственной воли пострижена в инокини в суздальском Покровском монастыре.

Мария Федоровна Нагая (в иночестве Марфа) – царица, последняя жена Ивана IV, дочь окольничего Федора Федоровича Нагого. В нарушение всех обычаев сватовства, когда в дом к невесте засылаются сваты жениха, Иван, взглянув на боярышню, сказал Федору Нагому: «Ну, боярин, я сам себе сват. Быть твоей дочери московской царицей!».

Историки XIX века пишут, что после этих слов Мария упала в обморок. Позднее Иван попрекал ее, что не хотела быть его женой.

Свадьба состоялась в 1580 году. Но и эта жена скоро стала царю «неугодной». По смерти его, с сыном Дмитрием удалена на житье в Углич. А в 1591 году она лишилась сына и «за недосмотрение за сыном и за убийство невинных Битяговских сотоварищи» была пострижена в Николо-выксинской пустыни под именем Марфы. Стоит отметить, что позднее она была вызвана Борисом Годуновым в 1604 году в Москву, по случаю слухов о Лжедмитрии I, но ее появление так ничего не открыло, и она была вновь возвращена обратно.

А 18 июля 1605 года царица имела торжественный въезд в Москву, когда и признала Лжедмитрия I своим сыном, но после его убийства отказалась от этого признания и 3 июня 1606 года торжественно встретила в Москве мощи святого царевича Димитрия, принесенные из Углича.

Несмотря на столь частые женитьбы царя, он очень переживал. Периоды покаяния и молитвы сменялись страшными приступами ярости. Во время одного из таких приступов 9 ноября 1582 года в Александровской слободе, загородной резиденции, царь случайно убил своего сына Ивана Ивановича, в порыве гнева попав посохом с железным наконечником ему в висок.

Смерть наследника повергла царя в отчаяние, поскольку другой его сын, Федор Иванович, был неспособен управлять страной. Иван Грозный отправил в монастырь большой вклад на помин души сына, даже сам подумывал уйти в монастырь.

Глава 13
Семейная жизнь царя

В царской семье браки были делом не частного, а политического характера, они подчинялись династическим целям. Московская дипломатия затеяла большую политическую игру в связи с женитьбой Ивана IV до того, как он достиг брачного возраста. Бояре надеялись заполучить ему в невесты польскую принцессу. Но переговоры с польским королевским домом не увенчались успехом, и дума вынуждена была пожертвовать теми внешнеполитическими выгодами, которые сулил династический брак.

Первый брак Ивана длился 13 лет. В этом браке у царя было шестеро детей, но только двое остались живы. Его дочери – царевны Анна и Мария – умерли, не достигнув и года. Третьим ребенком был царевич Дмитрий. Когда ему минуло шесть месяцев, родители повезли его на богомолье в Кириллов монастырь. На обратном пути младенец погиб из-за нелепой случайности. Передвижения наследника сопряжены были со сложной церемонией. Няньку, несшую ребенка, непременно должны были поддерживать под руки двое знатнейших бояр. Во время путешествия из Кириллова царский струг пристал к берегу, и торжественная процессия вступила на сходни. Сходни перевернулись, и все оказались в реке. Ребенка, выпавшего из рук няньки, тотчас достали из воды, но он был мертв. Так погиб старший из сыновей Грозного, царевич Дмитрий I. Второго сына, царевича Ивана, Анастасия родила 28 марта 1554 года. Еще через два года у нее родилась дочь Евдокия. Сын выжил, а дочь умерла на третьем году жизни. Третий сын – царевич Федор – родился в царской семье 31 мая 1557 года. Здоровье Анастасии было к тому времени расшатано, ее одолевали болезни. Младенец оказался хилым и слабоумным.

Частые роды истощили организм царицы, она не дожила и до 30 лет. Анастасию похоронили в Вознесенском монастыре, в Кремле. На ее похороны собралось множество народу, «бяше же о ней плач немал, – добавляет летописец, – бе бо милостива и беззлоблива ко всем». Сходными были отзывы иностранцев о характере царицы. По словам англичанина Джерома Горсея, Анастасия «была такой мудрой, добродетельной, благочестивой и влиятельной, что ее почитали, любили и боялись все подчиненные. Великий князь был молод и вспыльчив, но она управляла им с удивительной кротостью и умом». Однако Горсей

прибыл в Россию после смерти царицы и записал отзыв о ней с чужих слов. Источники не сохранили указаний на то, что Анастасия активно вмешивалась в государственные дела.

Сколь бы «беззлобливой» ни была царица, она не осталась в стороне от конфликта между ее братьями Захарьиными и Сильвестром. Впрочем, все ее усилия помочь братьям не привели к успеху. Вплоть до кончины Анастасии Сильвестр сохранял влияние на царя, тогда как Захарьины отступили в тень.

Перемены, происшедшие после смерти Анастасии, связаны были с внешними обстоятельствами, с разрастанием политического кризиса. Однако современники сочли возможным связать эти перемены с переменами в царской семье. В «Хронографе 1617 года» можно прочесть, что после кончины Романовой царь сильно переменился, «превратился многомудренный его ум на нрав яр».

Отношения супругов нельзя назвать безоблачными, особенно к концу жизни царицы. Много лет спустя, когда Курбский упрекнул Ивана в безнравственности, тот ответил откровенно и просто: «Буде молвишь, что яз о том не терпел и чистоты не сохранил, ино вси есмя человецы». Молва о предосудительном поведении царя проникла в летописи.

«Умершей убо царице Анастасии, – записал летописец, – нача царь яр быти и прелюбодей-ствен зело». И все-таки царь был привязан к первой жене и всю жизнь вспоминал о ней с любовью и сожалением. На похоронах ее Иван рыдал и «от великого стенания и от жалости сердца» едва держался на ногах.

Неделю спустя после смерти Анастасии Макарий и епископы обратились к царю с неожиданным ходатайством. Они просили, чтобы царь отложил скорбь и «для крестиянские надежи женился ранее, а себе бы нужи не наводил». За заботами о нравственности Ивана скрывался политический расчет. При дворе было много людей, недовольных засильем Захарьиных. Все они надеялись на то, что родня новой царицы вытеснит из дворца Захарьиных, родню умершей Анастасии.

Второй брак Грозного был скоропалительным. Не добившись успеха в Польше и Швеции, царские дипломаты привезли царю невесту из Кабарды. Невеста – княжна Кученей, дочь кабардинского князя Темир-Гуки, – была очень молода. Иван «смотрел» черкешенку на своем дворе и, как сказано в официальной летописи, «полубил ее». Кученей перешла в православие и приняла имя Мария. Три дня в Кремле продолжался брачный пир. Все это время жителям столицы и иностранцам под страхом наказания было запрещено покидать свои дворы. Власти боялись, как бы чернь не омрачила

свадебного веселья. Все помнили о том, что произошло в столице в 1547 году после первой царской свадьбы. Сначала Мария, не зная ни слова по-русски, не понимала того, что говорил ей муж. Но потом она выучила язык и даже подавала царю кое-какие советы. Мария Черкасская родила царю сына, нареченного Василием. Но сын умер в младенчестве.

Отношение Грозного к женам отразилось в заупокойных вкладах. Троице-Сергиев монастырь получил от него вклад по царице Анастасии – 1000 рублей, по Марии Темрюковне – 1500 рублей, по Марфе Собакиной – 700, по Анне Васильчиковой более 850 рублей.

Высшее духовенство не одобряло беззаконные браки государя, но обличать его не смело. Папский посол Антонио Поссевино, будучи при царском дворе, разузнал, что духовник повсюду следует за царем, но «хотя государь каждый год исповедуется ему в грехах, однако не принимает больше причастия, так как по их законам не позволено вкушать тела Христова тому, кто женат более трех раз».

Браки царя не были браками по чувству. Его семейная жизнь была открыта для политических бурь. Оттого подданные не успевали рассмотреть лица цариц, которых приводили во дворец временщики.

Кажется, только в одном случае женитьба Грозного была связана с увлечением. В «Хронографе о браках царя Ивана Васильевича» можно прочесть, что он «обручился со вдовою Василисою Мелентьевою, еже мужа ее опричник закла; зело урядна и красна, таковых не бысть в девах, киих возяще на зрение царю».

Свидетельство «Хронографа» можно было бы отвести как сомнительное, если бы оно не было подтверждено Карамзинским летописцем. О царе Иване Васильевиче, записал летописец, сказывают, что «имал молитву со вдовою Василисою Мелентьевою, сиречь с женищем».

Неожиданная архивная находка окончательно прояснила дело. В подлинных писцовых книгах по Вяземскому уезду XVI века значилось: «Государь и великий князь Иван Васильевич всея Русии летом 7087 (1579) года… поместьем пожаловал Федора да Марью Мелентьевых детей Иванова в вотчину». Писцовые книги зафиксировали поразительный случай. Дети дьяка Мелентия Иванова получили от Грозного свое поместье в вотчину. То было неслыханно щедрое пожалование. За Мелентьевыми было закреплено «в вотчину» 500 десятин поместной пашни вместе с обширными лугами и лесами. Сироты дьяка не имели особых заслуг перед государством, кроме одной. Незадолго до

пожалования земель их мать – вдова Василиса – стала шестой женой царя, а вернее, не женой, а «женищем». Соблюдая репутацию благочестивейшего монарха, Иван взял молитвенное разрешение на сожительство с Василисой, покорившей его своей неслыханной красотой. Союз с незнатной вдовой дьяка не связан был с какими бы то ни было расчетами. Шестой брак Грозного был счастливым, но недолгим. Он совпал со временем последних военных успехов царя и прекращения казней. Вдова рано умерла. Падчерица Грозного Мария Мелентьева вышла замуж за Гаврилу Пушкина, одного из предков А. С. Пушкина.

Всю жизнь великий государь избегал вдовства. Он верил, что только в браке может спастись от греха прелюбодейства, блуда. Самодержец вел жизнь, которая неизбежно должна была подорвать его могучий организм. Он все чаще болел, искал врачей по всей Европе. Но врачи не могли помочь ему. Задумав в очередной раз жениться, он не решился устраивать новые смотрины, наподобие опричных смотрин 1570–1571 гг., а положился на вкус последнего временщика – всесильного Афанасия Нагова, сына боярина Федора Нагова. Нагие были куда знатнее Собакиных и Васильчиковых. Афанасий сосватал государю свою племянницу Марию. Свадьба была сыграна за три года до смерти Грозного. Духовенство не осмелилось гневить вспыльчивого монарха. Показав «теплое умиление и покаяние», тот вновь избежал церковного проклятия.

Глава 14
Загадочная смерть сыновей

В Архангельском соборе Кремля в 1963 году были вскрыты гробницы Ивана IV, его сыновей Ивана и Федора, а также саркофаг князя Михаила Скопина-Шуйского.

Вскрытие было произведено с целью проведения токсикологического исследования на предмет содержания ядов в останках усопших. Ведь вопрос о причине смерти царевича Ивана до сих пор остается открытым.

В комиссию по эксгумации вошли историки и лучшие судебные медики. После вскрытия саркофагов исследователи обнаружили довольно хорошо сохранившиеся останки людей и одежды. Кости скелета Ивана были правильно расположены, череп слегка повернут вправо.

Конечно, за столь длительный срок – почти 400 лет – следы многих веществ, в том числе ядов, могли необратимо измениться или бесследно исчезнуть.

Но ученые все-таки надеялись, что химико-токсикологические анализы дадут определенные результаты, и возможно, станут основательным поводом для устранения неясностей и пробелов в истории нашего государства.

Для исследования в гробнице Ивана были отобраны наиболее сохранившиеся элементы гумуса, ногтей, волос, мягких тканей, костей и одежды. Также были сделаны соскобы со стенок саркофага. Показатели анализов всех гробниц и тел сравнивались между собой. Тут-то ученые и сделали неожиданное открытие: наряду с незначительным содержанием меди, свинца, серебра и цинка в останках царевича Ивана и Ивана Грозного обнаружен высокий уровень ртути, который в пять раз превышает уровень ртути в саркофагах царя Федора и князя Скопина-Шуйского.

Также исследователи отвергли версию о том, что ртуть попала в саркофаги извне. Поэтому ученые предположили, что ртуть оказалась в организме царственных особ еще при жизни.

Уровень этого металла в момент исследования был настолько высок, что этот факт наводил на мысль об отравлении. Официальная же история утверждает, что причиной смерти царевича Ивана стала травма головы, нанесенная ему отцом.

3 июля 1583 года в царских палатах произошло одно из самых загадочных убийств не только XVI века, но и, пожалуй, всех правящих династий Европы. Иван Грозный в припадке гнева что есть сил ткнул своего сына царевича Ивана посохом в висок. Удар

был сильным и точным – бедный царевич скончался на месте. Говорят, Иван Грозный сильно переживал о случившемся, ведь это был его старший и самый любимый сын. Второй сын изначально не был готов к тому, чтобы править страной.

Однако версия убийства Грозным своего сына Ивана постоянно подвергается сомнениям. На этот счет существует несколько версий.

Первая версия – политическая. Царевич Иван высказал отцу несогласие с ходом ведения Ливонской войны. Эта война началась в 1561, а закончилась в 1583 году, причем, Россия понесла территориальные потери, т. к. условия перемирия тогда диктовала Швеция. Возможно, царевич не желал уступать скандинавам ни пяди русской земли. Такая неуступчивость царевича вполне могла вывести из себя Грозного.

Вторая версия – житейская. По этой версии, Иван-царевич вступился за свою беременную жену, которую оскорбил царь, увидев ее без пояса – он ударил ее, после чего у нее случился выкидыш. Молодой муж пришел к отцу разобраться в происшедшем…

Третья версия – любовная. По этой версии, сам Грозный приставал к своей невестке. А муж вступился за жену.

Четвертая версия – опровергающая все предыдущие версии: Иван Грозный не убивал своего сына, это всего лишь легенда. И создал ее некий католический монах, который, якобы, склонял царя к принятию католичества. По этой версии, царевич Иван умер собственной смертью.

Во времена правления Ивана Грозного препараты ртути применяли в качестве лекарства для лечения сифилиса. Прямых доказательств того, что царевич Иван мог страдать от этого недуга, нет.

Однако из летописей можно узнать, что Иван Грозный был очень похотлив и развратил более тысячи дев, таким образом, выражаясь языком медицины, Иван Грозный был в группе риска.

Кроме того, некоторые историки утверждали, что отец с сыном менялись любовницами. Отсюда можно предположить, что и тот, и другой могли страдать сифилисом и принимать препараты ртути в качестве лекарства.

Побочным действием препаратов ртути является тревожность, раздражительность, мнительность и другие проявления меркуриализма – ртутной интоксикации.

Возможно, именно поэтому Иван Грозный отличался неуравновешенным, взрывным характером, резкими перепадами настроения, припадками. В любой момент он мог впасть в безумие так, что на губах его выступала пена.

В последние годы жизни царь дряхлел на глазах, он потерял почти все волосы, тело его покрылось струпьями и источало омерзительный запах, от которого он не мог избавиться даже с помощью самых сильных благовоний.

Как известно, в день своей смерти Иван Грозный долго парился, и ему стало значительно легче, после чего он скоропостижно скончался. Отсюда можно сделать вывод о естественной, а ненасильственной смерти царя. Но все это лишь предположения.

Таким образом, как смерть Ивана Грозного, так и смерть его сына царевича Ивана до сих пор остаются окутанными тайной.

19 ноября 1582 года родился царевич Дмитрий Иванович, погибший в 1591 году в Угличе в возрасте 9 лет, впоследствии канонизированный Русской православной церковью. Он-то и должен был стать следующим после Ивана Грозного царем. Если бы царевич Дмитрий не погиб мальчиком, возможно, не было бы на Руси так называемого Смутного времени. Но, как говорится, история не терпит сослагательных наклонений.

Глава 15
Наследие Ивана Грозного

В мировую историю царь Иван Грозный вошел как реформатор, действовавший в тяжелую эпоху перехода Руси от феодализма к Новому времени, как один из основоположников и создателей огромного Русского государства. При этом русский правитель был одним из образованнейших людей своего времени. То, что Грозный царь был глубоко начитан и владел широчайшей информацией, не отрицают даже его враги!

«Никто из государей Древней Руси не любил и не умел говорить так, как Иван. Ни один из них не отличался таким искусством в спорах устных и письменных с беглым боярином или с каким-нибудь иностранным послом», – рассказывает история. Поэтому не удивительно, что именно он, с детства любивший книгу, способствовал организации книгопечатания в Москве.

Наряду с произведениями, отражавшими идеологическую борьбу, были и такие, которые подытоживали достижения общерусской культуры в быту, церковной жизни и науке: «Домострой» кодифицировал правила поведения человека в сфере религиозной, государственно-общественной и семейной, которые сложились в русском обществе XVI века и считались общеобязательными для всех, «Стоглав» сыграл такую же роль в области церковной, регламентируя с исключительной мелочностью все стороны церковно-административной и церковно-обрядовой организации; «Азбуковник» представлял собой энциклопедию необходимых научных знаний и освящал известную к тому времени систему научных воззрений.

В личном литературном наследии Иван Грозный известен как писатель-публицист, автор многочисленных писем и посланий, благодаря которым до наших дней дошли сведения об истории Средневековья, горестях и радостях русского народа.

Тем же целям служила и музыка. Понимая значение музыкального искусства, царь Иван держал в Александровской слободе двух наиболее талантливых композиторов, новаторов своего времени: Федора Христианина – создателя новой школы пения, «гораздого знаменному пению», и Ивана Носа – ученика известного новгородского «мастера» Савы Рогова. Третьей знаменитостью был Степан Гладыш – создатель «усольского распева», ходивший по городам и учивший «Усольскую землю». Так называемые «распевщики» и «творцы» возвеличивали своими

«славянками» и «хвалительными стихирами» новых русских чудотворцев, культ которых, установленный при Иване Грозном, освящал государственное единство.

В каменном строительстве и деревянном зодчестве доминировала шатровая архитектура. Блестящим образцом этого стиля стал воздвигнутый в 1556–1560 годах русскими зодчими, псковским мастером Посником Яковлевым и Бармой, Покровский собор в Москве, более известный как собор Василия Блаженного, образующий группу из восьми шатрообразных столпов, сгрудившихся вокруг центрального шатра (построен в ознаменование покорения Казанского царства). По примеру столицы церкви аналогичного стиля стали воздвигаться по всему Московскому государству – шатровое строительство должно было служить возвеличению победоносного самодержавия.

Те же мотивы звучат и в иконописи. Взятие Казани символически представлено на иконе «Церковь воинствующая», где возглавляемое юношей-царем русское воинство под покровительством «воинства небесного» шествует из объятой пламенем Казани к «святому граду» Москве (она же – небесный град Сион). Целям прославления самодержавия посвящены и прекрасные миниатюры в рукописи «Царственной книги».

Не только живопись, но и искусство резьбы по дереву было использовано для пропаганды новых политических идей. Прекрасным образцом этого искусства стало царское место Ивана IV, на котором талантливый мастер изобразил фрагменты истории великого Владимира Мономаха.

Все вместе взятое – литература, музыка, архитектура, живопись, резьба – утверждало идеологию крепнувшего централизованного Русского государства, одновременно с которым развивалась и обогащалась мощная и своеобразная национальная культура населявших его народов.

Глава 16
Легенда о Соборе Василия Блаженного

Покровский собор, или Собор Василия Блаженного. Расположенный на Красной площади рядом с Кремлем стал символом Москвы и всей страны.

Храм Василия Блаженного – это целый град в городе: на едином основании возведено 10 церквей с пестрыми куполами. Он был построен в 1555–1561 годах по приказу Ивана Грозного в ознаменование победы над Казанским ханством – вековым врагом Руси.

Старинная московская легенда гласит, что во время решающего штурма Казани Иван Грозный направился в походную церковь, помещавшуюся в шатре, и усердно молился. Но едва священник успел произнести слова: «И будет едино стадо и един пастырь», как земля вздрогнула от сильнейшего взрыва, и часть вражеских укреплений взлетела на воздух, открыв дорогу русским войскам. Впервые в истории Руси в ее состав вошло не княжество, а целое государство – Казанское ханство. Взятие Казани имело не только политическое значение (теперь русские контролировали волго-балтийский торговый путь), но и религиозное – это был поход против неверных. В Москве горожане встретили Ивана Грозного громкими возгласами: «Многие лета царю благочестивому, победителю варваров, избавителю православного народа!».

Авторами собора Василия Блаженного летопись называет русских зодчих Постника и Барму. Существует легенда, согласно которой Иван Грозный, увидев построенный по их проекту собор, был так восхищен его красотой, что приказал ослепить зодчих, чтобы они не могли нигде больше построить храм, равный по красоте Покровскому собору. Некоторые современные историки предлагают версию, по которой архитектором храма был один человек – Иван Яковлевич Барма, которого прозвали Постником за то, что он держал строгий пост. Что касается легенды об ослеплении Бармы и Постника, ее частичным опровержением может служить тот факт, что имя Постника в дальнейшем встречается в летописи в связи с созданием других значительных архитектурных сооружений.

Народная молва разносила слух о том, что якобы этот храм Иван Грозный строил в честь своего отца, великого князя Василия

III: «Меня-то народ и без церквей тысячу лет будет помнить, а я хочу, чтобы и родителя моего помнили».

Глава 17
Начало книгопечатания

Царь Иван был человеком любознательным от природы и не чуждался иноверцев. В юности он подолгу расспрашивал немца Ганса Шлитте об успехах наук и искусства в Германии. Рассказы сведущего иноземца так увлекли царя, что он под конец отправил его в Германию с поручением разыскать там и пригласить в Москву искусных врачей, ремесленников и ученых-богословов. Заветным желанием Ивана было заведение в России книгопечатания. В свое время царь обратился к датскому королю Кристиану III с просьбой прислать печатников для основания типографии в Москве.

В мае 1552 года король уведомил Ивана IV о посылке в Россию мастера Богбиндера с типографскими принадлежностями, с Библией и еще двумя книгами с изложением «сущности нашей христианской веры». После перевода на русский язык эти книги предполагалось издать в количестве 2000 экземпляров.

Будучи лютеранином, Кристиан III надеялся увлечь царя идеей борьбы с католицизмом. Однако русское духовенство, ознакомившись с содержанием датских книг, решительно воспротивилось публикации протестантских сочинений.

Благодаря покровительству царя датский печатник не был изгнан из столицы православного царства и, по-видимому, получил возможность работать как частное лицо. Русский первопечатник Иван Федоров с полным знанием дела писал, что на Руси «начаша изыскивати мастерства печатных книг в лето 61 осьмыя тысящи». Датчанин получил рекомендательное письмо в мае 1552 года, летом приплыл в Россию и получил аудиенцию во дворце в ноябре 1552 года, когда царь вернулся в Москву из казанского похода.

Вывод очевиден: русские начали «изыскивать мастерство» в ноябре-декабре 1552 года, с момента свидания датчанина с самодержцем. В 1556 году русские документы упомянули о русском «мастере печатных книг» новгородце Маруше Нефедове.

В первых русских печатных книгах не было указаний на имя печатника, время и место издания. Духовенство не желало, чтобы в православных книгах фигурировало имя мастера-иноверца. Благодаря пробным изданиям московские печатники получили подготовку европейского уровня.

Грозный выделил крупные субсидии на устройство типографии, видимо, уже после отставки Адашева. В Москве был

построен Печатный двор. Дело было поручено кремлевскому дьякону Ивану Федорову и Петру Мстиславцу. Оба успели приобрести некоторый опыт книгопечатания благодаря общению с датским печатником: «Искусни бяху и смыслени к таковому хитрому делу, глаголют же неции о них, яко от самех фряг то учение прияста». Фрягами на Руси называли выходцев из Западной Европы. Богбиндер был в глазах русских фрягом.

19 апреля 1563 года Иван Федоров приступил к работе по изданию «Апостола». Первопечатник старался уточнить перевод книги, приблизить его к нормам русского языка. Он продолжал традицию образованных «справщиков», правивших текст «Великих Миней Четьих» по поручению митрополита Макария.

В разгар типографских работ Макарий умер, что крайне неблагоприятно сказалось на деятельности Печатного двора. Отношение к каноническому древнерусскому тексту священных книг и их правка по греческим оригиналам издавна были предметом споров среди московских книжников. Противники Максима Грека утверждали, что его правка портит Священное Писание. Грек отвечал на нападки так: «А яко не порчю священные книги, якоже клевещут мя враждующий ми всуе, но прилежне, и всяким вниманием, и Божиим страхом, и правым разумом исправлю их, в них же растлешася ово убо от преписующих их ненаученых сущих и неискусных в разуме». Во время работы над «Апостолом» слова Максима приобрели особую актуальность. В послесловии к этой книге Иван Федоров утверждал, что неисправленные рукописные книги «растлени от преписующих ненаученых сущих и неискусных в разуме». Фактически печатник процитировал слова Максима Грека.

Царь поощрял деятельность Ивана Федорова, но у него не было случая высказаться по поводу его исправлений. Зато Курбский, в недавнем прошлом друг и единомышленник Грозного, открыто отстаивал московские исправленные переводы и советовал следовать образцам «старых нарочитых или паче Максима Философа переводов».

В России не все думали так, как Курбский. Фанатики с подозрением взирали на любые попытки изменить хотя бы единую букву в привычных старых рукописных книгах. Их поддерживали «священноначальники» (иерархи церкви) и «начальники» (земские бояре). Они пуще огня боялись, что новшества, которые войдут в жизнь вместе с книгопечатанием, могут обернуться расколом церкви.

Находясь уже за рубежом, Федоров смог с полной откровенностью изложить начальную историю Печатного двора и указать на своих покровителей, с одной стороны, и гонителей – с

другой. Происки последних вынудили его свернуть свою деятельность в Москве и уехать на чужбину.

В послесловии к львовскому изданию «Апостола» 1574 года Федоров сделал знаменательное признание: «Сия же убо не туне начах поведати вам, но презелного ради озлобления, часто случающегося нам, не от самого того государя (Ивана IV), но от многих начальник и священноначальник, и учитель, которые на нас зависти ради многие ереси умышляли… Сия убо нас от земля, и отечества, и от рода нашего изгна и в иные страны незнаемы пресели».

Печатный двор находился в ведении земской Боярской думы, так что печатникам пришлось терпеть «зельное озлобление» от земского руководства. Наибольший интерес к религиозным вопросам проявлял круг земских «начальников», к которым принадлежали Иван Большой Шереметев, «канцлер» Иван Висковатый и прочие. Не среди них ли следует искать гонителей печатника Федорова?

Обвинения против кремлевского дьякона носили самый серьезный характер. Еретикам на Руси грозила тюрьма либо ссылка.

Как Федоров оказался в Литве? Литовский православный магнат Юрий Ходкевич прибыл в Москву с посольством летом 1566 года. Пока он вел переговоры о заключении перемирия, на литовско-русской границе установился недолгий мир. По-видимому, именно Юрий Ходкевич передал Грозному просьбу брата, великого гетмана литовского Григория Ходкевича оказать ему содействие в устройстве православной типографии в Литве. «Великое посольство» на Русь сопровождал огромный обоз. Видимо, с этим обозом за границу было отправлено громоздкое типографское оборудование.

Почти сразу после отъезда из России Иван Федоров нашел пристанище в селе Заблудово, вотчине Григория Ходкевича. Здесь при церкви во имя Богородицы и Николы Чудотворца московский мастер трудился с 1567 по 1570 год. Царь Иван сознавал себя покровителем и заступником всех православных людей. Именно по этой причине он удовлетворил просьбу Григория Ходкевича. Отпуск в Литву Ивана Федорова с типографскими принадлежностями был знаком доброй воли с его стороны. России нужен был мир с Литвой и Польшей.

За рубежом Иван Федоров поддерживал связи с лицами, бежавшими из России и резко враждебными царю Ивану. У него не было причин заискивать перед царем, произносить лицемерную хвалу московскому «тирану». Потому особую ценность приобретают его слова о полной непричастности

государя к травле печатника в России.

В послесловии к московскому «Апостолу» Федоров констатировал, что монарх проявил исключительную щедрость, «нещадно даяше от своих царских сокровищ делателем (печатникам) и к их успокоению, донеже и на совершение дело их изыде».

После выпуска первой книги в Москве в деятельности Печатного двора наступила пауза. Прошло полтора года, прежде чем Федоров получил средства на печатание второй книги «Часослова». Текст книги не подвергся серьезной правке, оставлены были даже явные описки и несообразности канонического московского текста. В послесловии к «Часослову» Федоров вновь сослался на царское повеление: сам государь желал, «яко да украсится и исполнится царство его славою Божиею в печатных книгах». Но на этот раз печатник ни словом не обмолвился о царской щедрости.

Наступили тяжелые времена. Царь укрылся в опричной Слободе. Печатный двор остался в земщине, руководители которой относились к деятельности типографии с подозрением. Они теснили Ивана Федорова, требуя отказа от «порчи» священных книг. Печатники лишились высокого покровителя, которого интересовала теперь преимущественно его личная безопасность. Самодержец взыскал с земщины колоссальную контрибуцию в 100 000 рублей на устройство опричнины. Земская казна была пуста, и Печатный двор надолго лишился субсидий.

Третьей книгой Печатного двора должен был стать Псалтирь. Работа над ней была начата при Федорове не позднее мая 1566 года. Но первопечатнику пришлось уехать в Литву, а задуманная им книга была издана с опозданием в два года. В 1577 году Печатный двор был переведен из Москвы в царскую резиденцию – Александровскую слободу, где преемник Федорова Андроник Тимофеев подготовил второе издание Псалтиря. Это издание обнаружило черты возврата к стилю и традициям Ивана Федорова.

Деятельность московских печатников в Литве была одним из многих признаков, указывавших на оживление православной культуры на Украине и в Белоруссии. Московские библиотеки хранили рукописи, представлявшие исключительный интерес для западного православного духовенства. Первый полный славянский перевод Библии был осуществлен в Софийском доме при новгородском архиепископе Геннадии в конце XV века. В 1558 году по заказу Ивана IV старцы Иосифе-Волоколамского монастыря переписали для него рукопись с полным славянским

текстом Библии. Книги, представлявшие византийскую духовную традицию, сохранились в России значительно полнее, чем в Киеве. Потому в Россию по временам приезжали посланцы из Литвы с просьбами о книгах. Одним из таких ходатаев был черный дьякон Исайя, присланный в Москву за Библией. В 1573 году литовский гонец Михаил Гарабурда виделся с Грозным в Новгороде и обратился к нему с просьбой о Библии.

В 1572 году Иван IV пустился в объяснения с литовским гонцом Федором Ворыпаем. «Говорят, что я зол и склонен к гневу, – жаловался он, – но я караю только злых, а ради доброго готов снять и цепь, и шубу со своего плеча». Встреча с Гарабурдой подтвердила его великодушие. В ответ на просьбу гонца самодержец велел вручить ему рукопись, «с прилежным молением испрошенную». Щедрость соседствовала с расчетом.

Рукопись, подаренная Грозным православной Литве, легла в основу первого печатного издания полной славянской Библии. Издание было осуществлено князем Острожским в типографии замка Острог на Волыни в 1580–1581 годах.

Глава 18
Царь-писатель

Иван Грозный – политический деятель, тщательно доказывающий разумность и правильность своих поступков, стремящийся действовать силой убеждения не в меньшей степени, чем силой закона и приказа. И в его писательской деятельности не меньше, чем в государственной, сказался его исключительный талант. Вряд ли существует в Средневековье еще другой писатель, который бы так мало сознавал себя писателем, как Иван Грозный. Тем не менее, каждое его литературное выступление обладает исключительным авторитетом. Все, что написано Грозным, написано по случаю, по конкретному поводу, вызвано политической действительностью. И собственно, поэтому Грозный, отвечая злобе дня, нарушает все литературные жанры, все литературные традиции, если они становятся ему помехой. Он беспокоится лишь о том, чтобы высмеять или убедить своих противников, доказать то или иное положение. Все, написанное им, стоит на грани литературы и деловых документов, частных писем и законодательных актов. Неправильно мнение, что Грозный нарушал современные ему литературные каноны «по невежеству». Он был одним из образованнейших людей своего времени. Переписка Ивана Грозного и Василия Грязного (царского опричника) относится к 1574–1576 годам. Василий Грязной – ближайший царский опричник, попал в плен к крымцам, которые решили выменять его на Дивея-Мурзу, знатного крымского воеводу, захваченного в плен русскими. Об этом и написал Василий Грозному в 1574 году. Ответ Грозного содержал решительный отказ выкупить его за большие деньги или обменять на Дивея-Мурзу.

Это – переписка людей, когда-то дружественных, но успевших остынуть друг к другу. Оба стремятся поймать друг друга на слове: один, чтобы укорить насмешкой, другой, чтобы вымолить себе выкуп из плена. Шутка, как мяч, «перелетает» от одного к другому, демонстрируя находчивость обоих. Грозный выступает как большой государственный человек, полный забот об интересах государства, непреклонный в своем отказе поступиться интересами государства ради личных привязанностей. Грозный же – мастер лихой потехи, шутник, балагур, преданный и эгоистичный, остроумный и ограниченный. Грозный, как всегда, не только принимает решение, но и объясняет их – будет ли «прибыток» крестьянству от такого обмена? В письме Грозного

звучит наставление, он учит Грозного предусмотрительности и заботе об общественных интересах. Переписка эта – свободная беседа, словно записанный разговор, оба перекидываются шутками, как бывало за столом.

Гораздо более сдержанный и официальный тон в переписке Грозного с князем Курбским, сбежавшим в Литву. Между царем и изменником не могло быть непосредственности. Иван Грозный выступает здесь с изложением своих взглядов как государственный деятель. В письме Курбского звучал упрек: царь утратил облик идеального правителя. Он выступает в роли прокурора, предъявляющего свои обвинения царю от имени «погибших, избиенных неповинно, заточенных и прогнанных без правды» бояр. Строго и размеренно звучит его обвинительная речь, построенная по всем правилам риторики и грамматики.

Курбский обвиняет Грозного в несправедливых гонениях, мучениях и истреблениях, которым он подвергает бояр, являющихся, по его мнению, опорой государства, составляющих его силу. Он обвиняет царя в превышении и злоупотреблении своей единодержавной властью. Курбский понимал, что полностью вернуть старые порядки невозможно и не выдвигал лозунга децентрализации. Он стремился лишь к ослаблению единодержавной власти царя, считая необходимым разделение власти между царем и боярством.

Послание Курбского взволновало и уязвило сердце царя. Его ответ ярко раскрывает сложный и противоречивый характер этой незаурядной личности. Послание Грозного обнаруживает его недюжинный ум, широкую образованность, начитанность, но и гордую и озлобленную, мятущуюся личность. Свой ответ царь адресует не только Курбскому, но и всему Российскому царству. Выступая против Курбского, царь выступал против всех «крестопреступников». Это определило, с одной стороны, обличительный пафос послания Грозного, направленный против бояр-изменников, с другой стороны, – пафос утверждения, обоснования и защиты прав самодержавной власти. Грозный выступает как политик, государственный человек, и речь его вначале сдержанна и официальна. Он приводит доказательства законности единодержавной власти, унаследованной им от славных предков: Владимира Святославича, Владимира Мономаха, Александра Невского, Дмитрия Донского, деда Ивана Васильевича и отца Василия. Грозного раздражают ядовитые упреки Курбского, суровый обличительный пафос письма. Он не согласен с оценкой, данной боярству Курбским, по Грозному – не они составляют силу и славу русского государства. Чтобы аргументировать свои возражения, Грозный вводит в

повествование ряд автобиогрфических моментов. Парируя обвинения своего противника, Грозный часто прибегает к прямому цитированию из послания Курбского, с тем, чтобы иронически обыграть эти обвинения. Не стесняясь в выражениях, прибегая к прямой издевке над свои врагом, Грозный стремится излить в своем послании те чувства, которые переполняли его душу. Он не считается с правилами риторики и пиитики, его писательская манера обнаруживает тесную связь с «иосифлянской» литературной школой. Речь Грозного порывиста, взволнованна, насыщена живыми конкретными бытовыми образами, пересыпана остротами и едкой иронией.

Грозный стремится дать понять Курбскому, что ему пишет сам царь-самодержец всея Руси. Свое письмо он пишет пышно и торжественно. Но и здесь сказывается темпераментная натура Грозного. По мере перехода к возражениям тон письма становится оживленнее, далее тон становится запальчивым. Он с азартом издевается и высмеивает Курбского, отпускает такие насмешки, которые уже лишены всякой официальности. Грозный мог быть торжественным только через силу. Он был чужд позы, охотно отказывался от условности, от обрядности.

Противоречивый, сложный характер Грозного, его незаурядное писательское дарование обнаруживается не только в его полемических посланиях к Курбскому, но и в ряде других писем, в частности, в посланиях в Кирилло-Бело-зерский монастырь.

Первое послание игумену монастыря Козьме написано по поводу нарушения монастырского устава сосланными в монастырь боярами Шереметьевым, Хабаровым, Собакиным. Послание начинается униженно, просительно, он подражает тону монашеских посланий, утрирует монашеское самоуничижение. Грозный как бы преображается в монаха, ощущает себя чернецом. И став в положение монаха, Грозный начинает поучать. Он поучает пространно, высказывая изумительную эрудицию, богатство памяти. Постепенно нарастает его природная властность и скрытое раздражение. И чем больше он говорит о своем уважении к Кирилло-Белозерскому монастырю, тем язвительнее звучат его укоризны. Он стыдит братию за то, что они допускают нарушение устава боярами, и тем самым неизвестно – кто у кого постригся, бояре ли у монахов или монахи у бояр.

Письмо это – развернутая импровизация, импровизация вначале ученая, насыщенная цитатами, ссылками, примерами, а затем переходящая в запальчивую обвинительную речь – без строгого плана, иногда противоречивую в аргументации, но

неизменно искреннюю по настроению, написанную с горячей убежденностью в своей правоте. Речь Грозного поразительно конкретна и образна. Свои рассуждения он подкрепляет примерами, случаями из своей жизни или зрительно наглядными картинами.

Его письмо, пересыпанное вначале книжными, церковно-славянскими оборотами, постепенно переходит в тон самой непринужденной беседы: беседы страстной, иронической, почти спора. Он употребляет разговорные обороты и слова, пользуется поговорками, смешивает церковнославянизмы с просторечием. Богатство его лексики поражает. Язык Грозного отличается необыкновенною гибкостью, живостью, и эта живость, близость к устной речи вносит в его произведение яркий национальный колорит. Это – по-настоящему русский писатель.

Но как бы ни был Грозный привязан к шутке, к иронии, к едкому, а порой и резкому слову, основная цель всех его произведений всегда одна и та же: он доказывает права своего единодержавства, своей власти; он обосновывает принципиальные основы своих царских прав. Грозный поступает так, чтобы делом доказать свое полное самовластие вплоть до внешнего отказа от него. И в том, с какою смелостью доказывал Грозный свое царское самовластие, видна его исключительная одаренность.

Послания Грозного – яркое свидетельство начала разрушения строгой системы книжного литературного стиля, который создавался стараниями книжников XIV–XVI веков. Никогда еще русская литература до Грозного не знала такой эмоциональной речи, такой блестящей импровизации и, вместе с тем, такого полного нарушения всех правил средневекового писательства: все грани между письменной речью и живой, устной, так старательно возводившиеся в середине века, стерты. Грозный – прирожденный писатель, но писатель, пренебрегающий всеми искусственными приемами писательства во имя живой правды. Он пишет так, как говорит, смешивая книжные цитаты с просторечием, то издеваясь, то укоряя, то сетуя, но всегда искренне.

Смелый новатор, изумительный мастер языка, то гневный, то лирически приподнятый мастер «кусательного» стиля, всегда принципиальный, всегда «самодержец всея Руси», пренебрегающий всякими литературными условностями ради единой цели – убедить своего читателя, воздействовать на него – таков Грозный в своих произведениях.

Глава 19
Царь, культура и церковь

Размышляя об эпохе Ивана Грозного, в сознании сразу возникают страшные картины бесчинства опричников, моря крови, пытки, казни. И только потом, углубляясь в историческую память, мы вспоминаем о непреклонной борьбе грозного царя за единство России – борьбе любой ценой, без пощады и милости. И вспоминаем о многочисленных войнах: победоносном казанском походе, многолетней изнурительной Ливонской войне, почти ежегодных набегах степняков-крымцев, неоднократно достигавших самих стен Москвы. В каком ужасающем напряжении жил русский народ! И сколько же имел он внутренней силы и стойкости, если в те же самые годы русские мастера создали такие чудеса зодчества, как Покровский собор (Храм Василия Блаженного), произвели буквально переворот в русской книжности, основав в середине XVI века книгопечатание. Множество дивных икон писалось тогда и по древним образцам и с новыми сложными философско-аллегорическими сюжетами… Сам царь был неутомимо активен. Все его заботило, ко всему он имел отношение, все ставил на службу своему царству, его укреплению, защите и прославлению. Вот и музыка оказалась нужна ему, и в ее «устроении» государь принимал личное участие. Музыку, хоровое церковное пение он любил смолоду, любил всей душой, истово. Неподалеку от Москвы в древнем Переславле-Залесском в соборе Никитского монастыря, построенного в 1564 году, до недавнего времени хранилась вделанная в стену большая плита из белого камня, на которой было начертано: «Благочестивый государь всенощное бдение слушал и первую статию сам пел, и божественную литургию слушал, и красным пением с своею станицею сам же государь пел на заутрени и на литургии».

Как видно из этой надписи, царь имел свою капеллу (станицу) – певцов, выделявшихся красотой пения. В храмах Александровой слободы, которая с 1564-го по 1572 год была его резиденцией, царь сам почти ежедневно читал и пел. В слободе заведена была целая музыкальная школа, а во главе ее стоял знаменитый распевщик Федор Крестьянин с учениками Иваном Носом и Стефаном Голышем. Все они были выходцами из Новгорода, славившегося своими певцами и распевщиками.

Царь не только любил хоровое пение и покровительствовал ему – известны и его собственные музыкальные произведения.

Они сохранились в рукописи «Книга глаголемая Стихирарь месячный, иже есть Око дьячье», находящейся в собрании Троице-Сергиевой Лавры. В настоящее время – в составе Отдела рукописей Государственной библиотеки имени Ленина.

Стихирарь содержит два произведения с надписаниями: «Творение царя Иоанна деспота или владыки «российского» и «Творение царево».

Оба произведения Ивана IV – стихиры, то есть песнопения вечерни и утрени, первые слова которых заимствуются из текста псалмов, а в последующих, поэтически связанных с ними, развиваются определенные темы, прославляющие каких-либо святых или отдельные события.

Первое сочинение посвящено московскому митрополиту Петру. В истории Москвы как центра собирания раздробленной Руси он занимает особое, можно сказать, исключительное место. Став в 1299 году общерусским митрополитом, Петр со всей решительностью встал на сторону только начавшей возвышаться юной Москвы. Ее интересы он отстаивал и в соперничестве Москвы с Тверью, «старой и богатой», и перед золотоордынскими ханами. В 1325 году при Иване Калите Петр даже перенес церковную столицу Руси – митрополичью кафедру в Москву. Этим дальновидным с исторической точки зрения шагом Москве была оказана поистине неоценимая услуга. Благодарная память о митрополите Петре с тех пор бережно сохранялась в Московском государстве. Свою достойную лепту в «заступеника, иже всемо скорбнымо утешителя, благочестия реку, Землю Русскую веселяшу течении Петра, теплаго предстателя нашего и хранителя» ее внес и Иван Грозный. Историческая память, стремление высоко ценить и широка прославлять тех, кто потрудился на ниве «устроения державы российской», была неотъемлемой чертой царя, будь то его литературное или музыкальное творчество.

В этом плане характерен текст первой стихиры в честь московского святителя: «Кыми похваленымы венецы увяземо святителя иже плотию в Руси суща и духовно всем достизающа, иже чиста того любяще, веримо предстоятеля».

Теми же идеями исторической памяти проникнуто и второе из названных музыкальных творений царя – Стихира в честь Сретения иконы Владимирской Богоматери.

Событие, связанное с этим торжеством, было одним из самых решающих и драматических в истории Москвы. В июне 1395 года к стенам Москвы подошел грозный и непобедимый завоеватель Востока – Тамерлан или, как его называли на Руси, Темир-Аксак.

Положение столицы поднимающейся Руси казалось

безнадежным. Но «гроза мира» Тамерлан вдруг стремительно покинул свои позиции. Это произошло 23 июня (старого стиля) – именно в тот день, когда в Москву из Владимира была принесена издревле почитавшаяся на Руси икона Богоматери Владимирской.

Историки до сих пор не могут точно определить причины столь неожиданного поведения непобедимого доселе полководца (называют чаще всего внутренние смуты в его войсках и государстве). Так или иначе, но в этом избавлении «светлокрасующегося града Москвы» люди того времени не могли не увидеть «заступление чудное Владычецы».

23 июня стало одним из дней празднования иконы Владимирской Богоматери, одним из «нарочито московских» и общерусских праздников. Способствовать прославлению такого торжества считал своим долгом Иван IV, «московский и всея Руси» государь. «Вострубите трубою песней во благонарочитом дни праздника нашего и тмы разрушение, и свету пришествие паче солнца восиявша», – призывает текст стихиры «всяко возрасто верных множество совокупленное».

Торжественно, словно поступь праздничного крестного хода звучат стихиры Ивана Грозного. Как это было свойственно древнерусской музыке того времени, они строго унисонны. Поют только мужские голоса. Но строгая «соборность» характера пения не рождает однообразия или звуковой бесцветности. Великолепно «опеваются», многократно повторяясь, отдельные звуки, создавая как бы ювелирную огранку особо значимым по смыслу словам или фразам.

Строгие и суровые, как сама эпоха, песнопения Ивана Грозного, вместе с тем, подлинно монументальны. «Беды и скорби, печали и распутия, реки и пустыни, рати, и цари и князья» (из предполагаемого канона Ивана Грозного Архангелу Михаилу) вместе с молитвою о всей Руси, «благодарственной радостью о ней» (из стихиры Владимирской иконе) звучат в этих необыкновенных творениях древнерусской музыкальной культуры.

Сближение с Западом при Иоанне IV не могло остаться без того, чтоб приезжавшие в Россию иностранцы не беседовали с русскими и не вносили господствовавшего тогда на западе духа религиозных умствований и прений.

Осенью 1553 года открылся собор по делу Матвея Башкина и его сообщников. Еретикам было предъявлен ряд обвинений: отрицание святой соборной апостольской церкви, отвержение поклонения иконам, отрицания силы покаяния, пренебрежительное отношение к постановлениям вселенских соборов и пр. Летопись сообщает: «И царь и митрополит велели

его, изымав, истязати о сих; он же христиана себя исповеда, скры в собе вражию прелесть, сатанино еретичество, мняше бо безумьный от Всевидящего Ока укрытися».

Наиболее значимы отношения царя с митрополитом Макарием и его реформами, митрополитом Филиппом, протопопом Сильвестром, а также соборы, состоявшиеся в то время, – они нашли свое отражение в деятельности Стоглавого собора.

Одним из проявлений глубокой религиозности Ивана IV были его значительные по размеру вклады в различные монастыри. Многочисленные пожертвования на помин душ людей, убитых по указу самого государя (синодик опальных), не имеют аналогов не только в российской, но и в европейской истории. Но вместе с тем казни православных священников и монахов, грабежи и уничтожение церквей свидетельствуют об отклонении царя от веры.

В конце XX века часть церковных и околоцерковных кругов обсуждала вопрос о канонизации Грозного. Эта идея встретила категорическое осуждение церковного священноначалия и патриарха, указавших на историческую несостоятельность реабилитации Грозного, на его преступления перед церковью (убийства святых), а также отвергших утверждения о его народном почитании.

Глава 20
Смерть Ивана Грозного

Как уже неоднократно говорилось, Иван Грозный отличался необычайной жестокостью. Грозный был неистощим в выдумках, как казнить подданных, – одних (например, новгородского архиепископа Леонида) по его приказу зашивали в медвежью шкуру и бросали на растерзание собакам, с других живьем снимали кожу и так далее. Но и самому царю судьба уготовила не менее мучительную смерть. «…Организм царя был не по годам изношен. Повлияло на это состояние многое. Маниакальная подозрительность, постоянный страх за свою жизнь, уверенность в злодейских кознях собственных придворных… Все это расшатывает нервы и не укрепляет здоровье. К тому же царь Иван был развратником. По словам Горсея, лично знавшего царя, тот «хвастал тем, что растлил тысячу дев, и тем, что тысячи его детей были лишены им жизни…» К тому же, весь образ жизни царя Ивана был нездоров: постоянные ночные оргии, сопровождавшиеся объедением и неумеренным пьянством, не могли не спровоцировать разнообразные хвори».

По свидетельству антрополога Михаила Герасимова, обследовавшего скелет Ивана Грозного, у царя в последние годы жизни на позвоночнике развились мощные соляные отложения (остеофиты), которые причиняли ему страшные боли при каждом движении. Перед смертью Грозный выглядел дряхлым стариком, хотя ему было только 53 года. В последний год он уже не мог сам ходить – его носили. Ряд современников Грозного считает, что царя отравили. Дьяк Иван Тимофеев обвиняет в этом Бориса Годунова, ставшего царем после Грозного, и Богдана Бельевого. Голландец Исаак Масса утверждает, что Бельский подсыпал яд в лекарство, которое он давал царю.

Вот как описывает смерть Грозного историк Н. Костомаров: «В начале 1584 года открылась у него страшная болезнь, какое-то гниение внутри; от него исходил отвратительный запах. Иноземные врачи расточали над ним свое искусство. По монастырям раздавались обильные милостыни, по церквам ведено молиться за больного царя, и в то же время суеверный Иван приглашал к себе знахарей и знахарок. Их привозили из далекого севера, какие-то волхвы предрекли ему, как говорят, день смерти… Иван то падал духом, молился, приказывал кормить нищих и пленных, выпускал из темниц заключенных, то опять порывался к прежней необузданности… Ему казалось, что

его околдовали, потом он воображал, что это колдовство было уже уничтожено другими средствами. Он-то собирался умирать, то с уверенностью говорил, что будет жив. Между тем тело покрывалось волдырями и ранами. Вонь от него становилась невыносимее.

Наступило 17 марта 1584 года. Около третьего часа царь отправился в приготовленную ему баню и мылся с большим удовольствием, там его тешили песнями. После бани царь чувствовал себя свежее. Его усадили на постели, сверх белья на нем был широкий халат. Он велел подать шахматы, сам стал расставлять их, никак не мог поставить шахматного короля на свое место и в это время упал. Врачи натирали царя Ивана «крепительными жидкостями», но агония была недолгой, и через несколько минут 50-летнее царствование Ивана IV кончилось.

Поднялся крик, кто-то бежал за водкой, кто за розовой водой, кто за врачами и духовенством. Явились врачи со своими снадобьями, начали растирать его; явился митрополит и наскоро совершил обряд пострижения, нарекая Иоанна Ионою. Но царь уже был бездыханен. Ударили в колокол на исход души. Народ заволновался, толпа бросилась в Кремль. Борис Годунов приказал затворить, ворота.

На третий день тело царя Ивана Васильевича было предано погребению в Архангельском соборе, рядом с могилою убитого им сына.

Слабоумием тут и не пахнет. В народе ходили темные слухи, будто царя отравили ближние люди – тот же Бельский и Борис Годунов, подкупив врача, лечившего государя.

Постоянное предчувствие смерти усиливало необъяснимую жестокость и садистские наклонности Ивана IV. Были ли эти патологические наклонности врожденными? Невероятная безжалостность и подозрительность могли быть и в самой человеческой природе царя. Скорее всего, это так и есть.

В конце XIX века русский психиатр Павел Ковалевский утверждал, что царь Иван был подвержен неврастении, страдал паранойей с манией преследования. Ковалевский писал, что у царя «резко выражается страсть многих неустойчивых людей (дегенератов) возможно чаще и возможно больше фигурировать, произносить речи, являться народу и блуждать по государству».

Но современная психиатрия считает, что дегенератизм (врожденное слабоумие) и паранойя – совершенно разные заболевания. Очевидно, ученого на мысль о паранойе навела невероятная жестокость царя. Жестокость была свойственна той эпохе и на Западе, но в казнях Ивана сказались изощренный садизм и причуды полуазиатского деспота.

Иван часто был несправедливым и жестоким судьей, но, что немаловажно, судил всегда самостоятельно. Царь не поддавался чужим влияниям, что свидетельствует об отсутствии «врожденного слабоумия».

Что же действительно известно о состоянии физического и психического здоровья царя Ивана?

Пора совершеннолетия в жизни людей XVI века наступала в 15 лет. Отрок Иван, говоря современным языком, был акселератом, быстро развивался физически и уже к 13 годам выглядел настоящим мужчиной. Зигмунд Фрейд считал, что преждевременная сексуальная зрелость затрудняет в дальнейшем возможность контроля над сексуальным влечением со стороны высших нервных центров и повышает навязчивый характер этих влечений. Действительно, современники отмечали в Иване IV «гнусные восторги сластолюбия».

Как уже упоминалось ранее, мало кому известно, что в 1963 году в Архангельском соборе Московского Кремля были вскрыты четыре гробницы: Ивана IV, его сыновей – царя Федора и царевича Ивана, а также виднейшего военачальника князя Михаила Скопина-Шуйского. Комиссия, в состав которой входили и судебные медики, после соответствующих измерений, зарисовок, фотографирования приступила к работе. Иван Грозный был похоронен в схиме, опоясанной простым вервием.

Высокая концентрация препаратов ртути в организме Ивана IV наводила на мысль об отравлении. Но как же с царевичем Иваном? Он же умер совершенно от другой причины – черепно-мозговой травмы, нанесенной отцом. Но и у него в организме было обнаружено огромное количество ртути!..

Чем болел Иван Грозный? Исторически достоверно, что препараты ртути стали применять на Руси с конца XV века, причем, исключительно для лечения сифилиса. В конце XV – начале XVI веков многие страны Европы охватила эпидемия сифилиса. Заболевание в этот период отличалось особой тяжестью течения, резко выраженными болезненными изменениями кожи, слизистых оболочек, костей, истощением, тяжелым угнетенным состоянием, язвами, опухолями лица, голеней. Относительно быстро распознанная связь этого тяжелейшего заболевания с половой жизнью дала основание назвать сифилис «половой чумой». К этому же времени относится распространение сифилиса и в России. Во времена царствования Ивана Грозного сифилис, несомненно, гулял по Москве.

Мог ли царь Иван заболеть сифилисом? Летописцы бесстрастно отмечали, что после смерти первой жены Анастасии «нача царь яр быти и прелюбодействен зело». Сифилис был

неотвратимым наказанием сластолюбивого и похотливого монарха.

Историк Константин Валишевский отмечал: «Вполне возможно, что даже опричники служили для удовлетворения таких наклонностей и вкусов его страстной и неумеренной природы, которых, по-видимому, не могла ослабить в нем ни старость, ни болезнь». Таким образом, Иван Грозный, говоря современным языком, входил в «группу риска». Необходимо подчеркнуть, что эти малоприятные сведения приводятся не ради копания «в грязном белье». Без знания заболеваний, которые порой «руководили» государственными деятелями, невозможен научный анализ механизмов принятия ими жизненно важных решений. Наконец, необходимо раскрыть тайну смерти Ивана Грозного.

Действительно, образ жизни царя Ивана и его старшего сына способствовал заболеванию сифилисом. Но болел ли Грозный этой разрушающей плоть и дух болезнью? Имеются ли медицинские, научно обоснованные доказательства, судебно-медицинские оценки, неопровержимо свидетельствующие об этом?

Течение сифилиса отличается в основном волнообразной сменой активных проявлений болезни, периодами скрытого течения, улучшения и постепенным, по мере развития заболевания, утяжелением клинических проявлений болезни. Появляются сифилитические язвы с обильным зловонным гнойным отделяемым. Очевидцы пишут, что в начале 1584 года тело царя Ивана распухло и стало издавать нестерпимое зловоние. Врачи находили у него «загнивание крови».

Как хроническая инфекция сифилис нередко сопровождается глубоким и прогрессирующим нарушением обмена веществ, «стреляющими» болями в коленных суставах, практически в период обострения лишающими больного возможности самостоятельно передвигаться.

В последние годы жизни Иван Грозный сильно располнел, что подтвердили исследования его останков. Вес его достигал 85–90 кг. Эксперты при изучении останков царя обратили внимание на мощные отложения солей на позвоночнике – остеофиты, которые причиняли мучительные боли при малейшем движении. Современники свидетельствуют, что перед смертью Иван Грозный выглядел дряхлым стариком, его носили в кресле. Безусловно, царя мучил непременный спутник сифилиса – цирроз печени, который обычно сопровождается накоплением жидкости в брюшной полости. Вспомним, что в последние годы жизни тело царя «сильно распухло».

Единственным методом лечения сифилиса в то время было применение препаратов ртути, сулемы – «жидкого серебра». Передозировка приводит к хронической ртутной интоксикации – меркуриализму. При этом первой страдает нервная система, на которую ртуть оказывает избирательное действие. При хроническом отравлении ртутью наблюдается синдром ртутного эретизма – особое состояние психического возбуждения, тревожность, пугливость, мнительность. Вероятно, именно ртутной передозировкой можно объяснить неадекватность, своеобразие и парадоксальные реакции, которым, как подтверждают историки, был подвержен царь Иван. Мгновенный переход от блуда к смирению, от жестокости к покаянию.

Конечно, Иван Грозный глубоко страдал. «Тело изнеможе, болезнует дух, струпи телесна и душевна умножишася», – писал царь. Состояние здоровья Грозного прогрессивно ухудшалось. Историк Николай Карамзин отмечал: «…В сие время он так изменился, что нельзя было узнать его: на лице изображалась мрачная свирепость, все черты исказились, взор угас, на голове и в бороде не осталось почти ни одного волоса».

Выпадение волос – один из характернейших признаков меркуриализма. При передозировке препаратов ртути наблюдаются эпилептиформные припадки, хаотическое психическое возбуждение. Эти симптомы отчетливо наблюдались и у Ивана IV. Очевидцы передают, что он страдал припадками, во время которых приходил «как бы в безумье», на губах выступала пена. Царь «бесился на встречных». Это типичная картина эпилептиформных припадков. Внезапные вспышки ярости, усилившиеся к концу жизни, все возрастающая невероятная подозрительность связаны в этот период, скорее всего, с нервно-психической болезнью. Не этой ли вспышкой «ртутного гнева» объясняется и убийство старшего сына Ивана? Таким образом, первопричину многих политических потрясений следует искать не только в характере, но и в болезни царя.

На фоне ртутной интоксикации при хроническом сифилисе проявляются психические и неврологические нарушения, которые начинаются с неврастении: раздражительность, плохое настроение, снижение памяти, работоспособности, головные боли, плохой сон. Весьма характерна смена настроений – от эйфории до глубокой депрессии. Все это наблюдалось у Ивана Грозного.

Последние годы жизни Грозный был дряхл, с разрушенной сифилисом и неправильным лечением личностью. Царь знал, что его ненавидят за жестокость, презирают за дряхлость, за исходивший от него, несмотря на благовония, дурной запах. Царь

писал в исповедании: «…Его ради всеми ненавидим есмь…».

Психологи считают, что чем больше ненавидят человека, тем больше он ненавидит и презирает людей. Невероятная подозрительность и жестокость Ивана IV могла быть заложена и в самой человеческой природе царя, усугубиться неправильным воспитанием и той средой, в которой проходило его детство.

Как известно, в день смерти царь долго парился в бане. Известно, что при меркуриализме горячие ванны приносят облегчение. И в этот день Ивану стало легче, отступили мысли о смерти…

Но умер Иван Васильевич Грозный скоропостижно. Под скоропостижной смертью в судебной медицине понимается ненасильственная смерть, наступившая в течение короткого промежутка времени от скрыто протекающего заболевания. Умер от болезни. Не травил Борис Годунов своего царя, как говорили в народе. Время восстанавливает справедливость, но, как всегда, поздно…

Глава 21
Завещание

Царь Иван IV работал над текстом своего завещания в течение всей жизни. Но сохранилась лишь одна испорченная копия черновика завещания. Копия не утверждена самодержцем, не заверена подписями и печатью и не имеет даты.

В тексте черновика упомянуты имена царицы Анны Колтовской и митрополита Антония, но помолвка царя с Анной состоялась в апреле 1572 года, а Антоний занял митрополичий престол через месяц. На этом основании черновик датируют временем не ранее апреля-мая 1572 года. Завещание было написано в промежуток между началом июня и 6 августа, когда царь жил в Новгороде в тревожном ожидании исхода неминуемой кровавой схватки его воевод с татарами. Для правильного понимания духовной жизни царя Ивана этот довод имеет очень существенное значение. Завещание проникнуто мрачными предчувствиями.

Сохранившаяся копия завещания Грозного замечательна тем, что дает представление о ранних текстах, которые легли в его основу.

Первое завещание Грозный составил в дни тяжелой болезни в марте 1553 года. Как отметил летописец, «дияк Иван Михайлов воспомяну государю о духовной, государь же повеле духовную съвершити, всегда бо бяше у государя сие готово».

Приведенные слова были продиктованы самим Иваном и записаны на полях Царственной книги много лет спустя после болезни. К тому времени монарх «съвершал» духовную неоднократно.

В последний раз царь внес поправки в завещание в день смерти. Писал под его диктовку Савва Фролов. Он служил подьячим, и прошло всего пять месяцев, как стал дьяком. Савва не имел думного чина и не был писателем. В том, что «душевные грамоты» были самостоятельными сочинениями царя, сомневаться не приходится.

Поводы к переделке завещания были самые разнообразные: тяжелая болезнь, рождение детей в царской семье, вступление в брак, отречение от трона, смерть наследника, завоевания, менявшие границы государства, перемены в боярском руководстве, отставка душеприказчиков и назначение новых, смена митрополита. Устаревшие духовные могли вызвать раздор между наследниками и смуту, а потому их, по-видимому,

уничтожали. Чтобы иметь возможность в любой момент представить царю исправленный проект духовной, приказные люди должны были постоянно собирать материал обо всех земельных приобретениях или утратах, переменах в составе удельных княжеств и прочем.

В тексте черновика духовной имеются ссылки на документы, важные для его датировки. Это опись казны царевичей, грамоты герцога Магнуса и короля Сигизмунда II. Все это документы опричной поры.

Грозный составил завещание по образцу духовных грамот отца и деда царя. Но было одно серьезное различие. Иван имел склонность к литературному творчеству, и под его пером завещание приобрело черты литературного сочинения. Добрую половину духовной занимает обширное введение с покаянием и поучением «чадцам». Текст объединяет записи разновременного происхождения.

За введением следует традиционное начало завещания: «И Бог мира в Троице славимый…». Ниже следуют наставления сыновьям, в точности повторяющие завещание Ивана III. Младший брат должен «держать старшего в отца место», старший – держать младшего без обиды.

В литературном введении к завещанию сходные наставления приобретают иное звучание. Грозный не чувствует себя стесненным традицией, и его наставления производят впечатление взволнованной речи: «А ты, сыне мои Федор… во всем бы еси Ивану сыну непрекословен был так, как мне, отцу своему, и во всем бы есте жил так, как из моего слова».

Конец завещания носит традиционный характер и дословно списан с духовного завещания Ивана III. Государь наказывает удельному князю слушать брата своего старейшего, государства под ним не подыскивать, ни с кем на него не «одиначиться». Однако даже в этот традиционный текст царь внес поправку, соответствующую его характеру. Иван III угрожал ослушнику, что на нем не будет благословения Божьего и родительского. Царь завершал увещевания словами из Евангелия: «Аще кто не чтит отца или матерь, смертью да умрет».

Иван IV наставлял наследников чтить память родной матери и мачех: «А что по грехом, жон моих, Марьи да Марфы, не стало, и вы б жон моих Марью да Марфу, а свои благодатныя матери, поминали во всем по тому, как аз уставил…» Мария Черкасская умерла в 1569 году, Марфа – в 1571 году. Четвертая жена, Анна Колтовская, упомянута как живая.

Царское завещание заключало в себе пространное «исповедание», полное горьких признаний. Царь уподоблял себя

всем библейским грешникам – от Каина до Рувима. Последнее имя навело исследователей на любопытные размышления. При всем желании Иван никак не мог уподобиться Рувиму, «осквернившему отче ложе».

Отсюда следует, что Грозный ограничился формальным покаянием во всех возможных грехах. Так ли это? Иван был книжником, и потому его исповедь есть образец книжной мудрости. Важной особенностью православной книжности было говорение истины чужими словами. Библейские образы и цитаты обладали высшим авторитетом. Ссылки не всегда точно подходили к случаю. Так было и с Рувимом, упомянутым всуе, не к месту.

Покаяние Грозного менее всего может рассматриваться как формальное. Иван был человеком глубоко религиозным и надеялся, что искреннее покаяние принесет ему спасение. А. С. Пушкин точно уловил эту особенность характера царя «с его душой, страдающей и бурной».

Глава 22
Интересные факты

Гибель посланника. В 1576 году из Англии с письмами от королевы Елизаветы I прибыл посланник Даниил Сильвестр. В Холмогорах он снаряжался и готовился к царской аудиенции. Портной принес ему новые одежды и едва успел спуститься вниз, как в комнату влетела шаровая молния, проникла внутрь его нового костюма и, выйдя у шеи, убила Сильвестра. Молния убила также мальчика посланника и его собаку. Сразу же начался пожар, в котором сгорели дом, мебель, бумаги, а, главное – письма от королевы. Царь был очень расстроен и разгневан утерей этих писем, ведь шла война, и он ждал помощи из Англии, но сказал только: «Да будет воля Божья!».

Как Иван Грозный для взятия вражеского города приказал перенести по реке деревянный кремль. Для подготовки к завоеванию Казанского ханства Иван Грозный провел уникальную военную операцию, перенеся деревянный кремль. Крепость разобрали в городе Мышкине рядом с Угличем, пометили каждое бревно, сплавили по Волге и выловили около устья реки Свияги, где заняли позиции русские войска. За 24 дня 75 тысяч человек собрали из тех бревен крепость, сравнимую с московским Кремлем. Она получила название «Свияжск» и стала плацдармом для взятия Казани.

Шотландцы в России. Во время первого периода Ливонской войны русские захватили довольно большое количество пленных. Среди них оказалось и 85 шотландцев, которые только и уцелели из присланного Стокгольмом отряда в 700 человек. Горсей постарался устроить так, чтобы царю разъяснили разницу между наемниками-шотландцами и коренными врагами русских: шведами, поляками и ливонцами. Царю доложили, что шотландцы представляют собой нацию наемников, готовых за содержание и жалованье служить любому христианскому правителю. Иван Грозный решил испытать их доблесть в борьбе с крымским ханом. Шотландцы были помилованы и отобраны в отдельный отряд, командиром которого назначили Джими Лингета, опытного и доблестного воина. Шотландцев вооружили мечами, ружьями и пистолетами, и они прекрасно себя проявили в боях с крымскими татарами. Позднее им были пожалованы земли для поселения, они обзавелись семьями и пользовались

милостями царя и его людей. Вот так на русской земле и появились люди с шотландскими корнями и фамилиями.

Князь Борис Давыдович Тулупов. Это окольничий царя, который был казнен Иваном Грозным в конце лета 1575 года за сношения с опальной знатью и участие в заговоре против царя. Такова была официальная версия. Князь был посажен на кол, оставаясь в живых в течение пятнадцати часов, пока острый кол не вышел у него из горла. Во время этой казни князь первое время разговаривал со своей матерью, которую заставили смотреть на это ужасное для нее зрелище. Потом княгиню, не старую еще женщину, отдали на поругание сотне стрельцов. Ее раздувшееся, нагое тело затем бросили голодным псам, разорвавшим его на куски. Царь при виде всего этого сказал: «Кого жалую, тех содержу в чести, а кто мне изменил, тому воздам такую же казнь».

«Царица Московии». В 1583 году русский посол А. Ф. Писемский прибыл в Англию для переговоров о женитьбе Ивана IV на племяннице королевы Елизаветы Мэри Гастингс, дочери лорда Генри. Посол встречался с леди Гастингс и остался доволен ее внешними данными. Для дальнейших переговоров в Москву был отправлен английский посол сэр Джером Баус, но его переговоры с царем были прерваны смертью последнего. Впоследствии друзья и близкие леди Мэри прозвали ее «царицей Московии».

Глава 23
Характер и внешность царя

Иван рос в обстановке дворцовых переворотов, борьбы за власть враждующих между собой боярских родов Шуйских и Бельских. Поэтому сложилось мнение, что убийства, интриги и насилия, окружавшие его, способствовали развитию в нем подозрительности, мстительности и жестокости. С. Соловьев, анализируя влияние нравов эпохи на характер Ивана IV, отмечает, что он «не сознал нравственных, духовных средств для установления правды и наряда или, что еще хуже, сознавши, забыл о них; вместо целения он усилил болезнь, приучил еще более к пыткам, кострам и плахам».

Однако в эпоху Избранной Рады царя характеризовали восторженно. Один из современников пишет о 30-летнем Грозном: «Обычай Иоаннов есть соблюдать себя чистым пред Богом. И в храме, и в молитве уединенной, и в совете боярском, и среди народа у него одно чувство: «Да властвую, как Всевышний указал властвовать своим истинным Помазанникам!» Суд нелицеприятный, безопасность каждого и общая, целость порученных ему государств, торжество веры, свобода христиан – есть всегдашняя дума его. Обремененный делами, он не знает иных утех, кроме совести мирной, кроме удовольствия исполнять свою обязанность; не хочет обыкновенных прохлад царских… Ласковый к вельможам и народу – любя, награждая всех по достоинству – щедростию искореняя бедность, а зло – примером добра, сей Богом урожденный Царь желает в день Страшного суда услышать глас милости: «Ты еси Царь правды!».

«Он так склонен к гневу, что, находясь в нем, испускает пену, словно конь, и приходит как бы в безумие; в таком состоянии он бесится также и на встречных. – Пишет посол Даниил Принц из Бухова. – Жестокость, которую он часто совершает на своих, имеет ли начало в природе его или в низости подданных, я не могу сказать. Когда он за столом, то по его правую руку садится старший сын. Сам он грубых нравов, ибо он опирается локтями на стол, и так как не употребляет никаких тарелок, то ест пищу, взяв ее руками, а иногда недоеденное кладет опять назад в чашку. Прежде чем пить или есть что-нибудь из предложенного, он обыкновенно знаменует себя большим крестом и взирает на повешенные образа Девы Марии и Святого Николая».

А историк Соловьев считает, что рассматривать личность и характер царя необходимо в контексте его окружения в

молодости. Не произнесет историк слово оправдания такому человеку. Он может произнести только слово сожаления, если, вглядываясь внимательно в страшный образ, под мрачными чертами мучителя подмечает скорбные черты жертвы; ибо и здесь, как везде, историк обязан указать на связь явлений: своекорыстием, презрением общего блага, презрением жизни и чести ближнего сеяли Шуйские с товарищами – вырос Грозный.

Свидетельства современников о внешности Ивана Грозного весьма скудны. Все имеющиеся его портреты имеют сомнительную подлинность. По отзывам современников, он был сухощав, имел высокий рост и хорошее телосложение. Глаза Ивана были голубые с проницательным взглядом, хотя во второй половине его царствования отмечают уже мрачное и угрюмое лицо. Царь брил голову, носил большие усы и густую рыжеватую бороду, которая сильно поседела к концу его царствования.

Венецианский посол Марко Фоскарино в «Донесении о Московии» пишет о внешности 27-летнего Ивана Васильевича: «Красив собою».

Германский посол Даниил Принц, дважды бывавший в Москве у Ивана Грозного, описывал 46-летнего царя: «Он очень высокого роста. Тело имеет полное силы и довольно крепкое, большие узкие голубые глаза, которые все наблюдают самым тщательным образом. Челюсть выдающаяся вперед, мужественная. Борода у него рыжая, с небольшим оттенком черноты, довольно длинная и густая, вьющаяся, но волосы на голове, как большая часть русских, бреет бритвой. В руке посох с тяжелым набалдашником, символизирующий крутость государственной власти на Руси и великое мужское достоинство самого Царя».

При вскрытии в 1963 году в Архангельском соборе Московского Кремля была по останкам было установлено, что рост Ивана Грозного был около 179–180 см. В последние годы жизни его вес составлял 85–90 кг. Советский ученый М. М. Герасимов использовал разработанную им методику для восстановления внешности Ивана Грозного по сохранившемуся черепу и скелету. По результатам исследования можно сказать, что «к 54 годам царь был уже стариком, лицо его было покрыто глубокими морщинами, под глазами – огромные мешки. Ясно выраженная асимметрия (левый глаз, ключица и лопатка были значительно больше правых), тяжелый нос потомка Палеологов, брезгливо-чувственный рот придавали ему малопривлекательный вид».

Глава 24
Историческая роль

Каково место Ивана Грозного в истории? Можно ли согласиться с тем, что перемены, происшедшие в его правление, столь глубоко повлияли на отношения между государственной властью и дворянством, что определили «на долгие времена и характер русской государственности, и характер русского общества не только в эпоху Средневековья»? Действительно ли русские сословия, включая аристократию, сформировались как сословия служилые во многом благодаря политике Ивана IV?

Выводы такого рода требуют серьезных уточнений. Боярство трансформировалось в служилое дворянское сословие благодаря поместной системе и превращению государственной формы собственности в господствующую форму землевладения. Но поместная система сформировалась не при Иване IV, а при его деде Иване III и отце Василии III. Что касается превращения родовой аристократии в служилую, оно завершилось длительное время спустя после смерти Грозного.

Благодаря вмешательству Ивана IV, как полагают, был оборван наметившийся в середине XVI века процесс формирования «сословного общества» – процесс, который мог бы сблизить общественный строй России с общественными порядками других европейских стран, в первую очередь ее ближайших соседей. Так ли это? Задача историка заключается в том, чтобы установить подлинные факты и объяснить, что произошло в действительности.

Царь Иван всю жизнь воевал со своей знатью. Он пролил потоки крови, чтобы подорвать ее влияние. Эта цель стала едва ли не главной целью его жизни. События, последовавшие после его кончины, показали, что террор ослабил родовую аристократию, но не сломил ее могущества. Грозный расколол дворянское сословие, чтобы добиться неограниченной власти. Но воздвигнутое им здание оказалось непрочным. Понадобились считанные недели, чтобы оно рухнуло. Крушение не было следствием заговора злокозненных бояр. Крамолу затеяли дворовые люди.

В конце Ливонской войны за рубежом распространились слухи о том, что в Москве со дня на день может вспыхнуть мятеж, и что царь Иван взят под стражу боярами, а дворянство волнуется. Слухи были преждевременными. Но «бунташное» время на самом деле стучалось в двери.

Писатели, пережившие Смуту, любили вспоминать тишину и благоденствие, снизошедшие на страну в правление Федора. Бедствия Смуты заслонили в их глазах многочисленные возмущения, которые потрясли государство до основания при сыне Ивана IV.

Сразу после кончины царя Богдан Бельский арестовал Афанасия Нагова и спешно выслал его из Москвы. Его действия получили полное одобрение руководителей «двора» и земской думы.

Пока жив был Грозный, знать, принятая на «дворовую» службу, мирилась с тем, что реальная власть находилась в руках «худородных» думных дворян. С кончиной государя борьба за власть парализовала «дворовое» руководство.

Главным соперником Бельского стал популярный в народе воевода-регент князь Иван Петрович Шуйский. В столице толковали о том, что Бельский послал слуг, чтобы перехватить и убить Шуйского, находившегося в Пскове и спешно выехавшего в столицу.

Распри дворовых чинов подтолкнули земщину к энергичным действиям. Земский казначей Петр Головин затеял местническую тяжбу с Бельским. При Грозном земские дворяне пуще огня боялись тягаться с опричниками и «дворовыми» чинами. Теперь же вызов правителю бросил человек, имевший низший думный чин.

Судьи, вершившие дело, столкнулись с трудностями, из-за чего тяжба затянулась. Бельский «слался» на «дворовые» службы, Головин – на земские. Соединить две иерархические «лестницы» было затруднительно. На стороне Головина выступили князья Мстиславский с сыном, младшие Шуйские, Голицыны, а также Романовы и Шереметьевы. За Бельского вступились Трубецкие и Годуновы вместе с «худородным» Андреем Щекаловым из земщины. Годуновы говорили от царского имени. Но Федор еще не был коронован. В России наступило междуцарствие.

Местнический спор, как все понимали, имел принципиальное значение. Если бы Бельский проиграл тяжбу, под ударом оказались бы не только Годуновы, но и весь «двор».

Земские дворяне, собравшиеся во дворце, проявляли нетерпение. Во время «преки» в думе они набросились на Бельского с таким остервенением, что тот, спасая жизнь, «утек к царе назад» и укрылся в царских хоромах.

Столкнувшись с «крамолой», Бельский решил действовать, не дожидаясь прибытия в столицу Ивана Шуйского. Без санкции на то старших регентов он ввел в Кремль «дворовых» стрельцов и расставил их в воротах и на стенах. Правитель тайно обещал им

великое жалованье и убеждал не бояться бояр и выполнять только его приказы.

Великие бояре разъехались по своим дворам на обед. Бельский тем временем велел затворить все ворота и попытался уговорить Федора держать «двор» и опричнину так, как держал его отец. Над Кремлем повеяло новой опричниной. Но в дело вмешался народ.

Прослышав о затее Бельского, регенты Мстиславский и Романов поспешили в Кремль, взяв с собой вооруженную свиту. После переговоров Бельский согласился пустить двух бояр внутрь замка, но калитка захлопнулась перед их вооруженными холопами.

Подождав некоторое время, боярские слуги попытались силой пробиться в Кремль. В это время по улицам столицы проскакал молодой сын боярский с криками: «Бояр Годуновы побивают!». На Красной площади начала собираться толпа. К черни, как свидетельствует летописец, присоединились рязанцы Ляпуновы и Кикины «и иных городов дети боярские». Волнения не были следствием боярского заговора. Мятеж затеяли боярские холопы, которых поддержали посадские люди и провинциальные дворяне. «Дети боярские на конех, – записал современник, – многие из луков на город стреляли». Об участии в беспорядках знати и московских дворян источники молчат.

Восставшие пытались разбить Фроловские ворота Кремля и поворотили большую пушку, стоявшую на Лобном месте, в сторону замка. Толпа требовала выдать на расправу любимцев Грозного – Бельского и Годунова. Дело приобрело серьезный оборот. Стрельцы попытались залпами рассеять толпу. В результате побоища на площади остались лежать до 20 убитых. Примерно 100 человек было ранено.

Положение стало критическим, и после совещания во дворце народу объявили об отставке Бельского. Попытка ввести опричнину провалилась. «Бояре, – повествует летописец, – меж собою примирилися в городе (Кремле) и выехали во Фроловские ворота». Временщик был лишен всех титулов и отправлен в ссылку в деревню.

Прошло немного времени, и почти все думные дворяне были лишены думных чинов. По случаю коронации Федора Боярская дума широко распахнула двери перед высшей знатью.

Власть перешла в руки регентов боярина Никиты Романова и князя Ивана Шуйского. В 1585 году Романова хватил удар. Его место занял Борис Годунов, получивший титул конюшего. Романова беспокоило будущее молодых сыновей, и перед кончиной он искал союза с Годуновыми. Ближайшая родня

Федора должна была объединиться, чтобы закрепить трон за недееспособным государем.

Под нажимом бывших «дворовых» чинов – Годунова, с одной стороны, и Шуйского – с другой, – главный регент удельный князь Иван Мстиславский подал в отставку и постригся в монахи в Кирилло-Белозерском монастыре. Главным условием отставки была передача удела сыну князя Ивана.

Вельможам была ненавистна самая память о Грозном. Дьяк Иван Тимофеев яркими красками описал их поведение. «Бояре, – писал он, – долго не могли поверить, что царя Ивана нет более в живых, когда же они поняли, что это не во сне, а действительно случилось, через малое время многие из первых благородных вельмож, чьи пути были сомнительны, помазав благоухающим миром свои седины, с гордостью оделись великолепно и, как молодые, начали поступать по своей воле; как орлы, они с этим обновлением и временной переменой вновь переживали свою юность и, пренебрегая оставшимся после царя сыном Федором, считали, как будто и нет его…» Знать не скрывала своего отношения к Федору Ивановичу. Русские на своем языке называют его дураком, говорил о Федоре шведский король Юхан III в речи к риксдагу.

Грозный пуще огня боялся, что бояре составят заговор и отстранят от власти его наследника. Так и случилось, но дело обошлось без заговоров. Опираясь на вековую традицию, Боярская дума вернула прерогативы, утраченные ею в опричнину. В стране установилось боярское правление.

Бояре провели общую амнистию. «Многие князья и знать из известных родов, попавшие в опалу при прежнем царе и находившиеся в тюрьме двадцать лет получили свободу и свои земли. Все заключенные освобождались, и их вина прощалась». Несложный арифметический подсчет показывает, что они оказались за решеткой в самом начале опричнины. Царь Иван пытался примириться с убиенными, но прощать оставшихся в живых изменников он и не думал. Самым важным положением амнистии был пункт о возвращении земель знатным лицам, получившим свободу. Путь к возрождению родового вотчинного землевладения был открыт.

Возврат вотчин, незаконно отнятых в казну при Грозном, означал восстановление законности и правопорядка в Русском государстве. Однако новые правители использовали момент в своих интересах. Ссылки Грозного на то, что уже его дед и отец особым Уложением воспретили раздавать крупные вотчины боярам, были преданы забвению. При Иване IV фонд казенных земель пополнился за счет боярских вотчин. Теперь бояре

спешили вернуть свои земельные богатства.

После казни боярина Александра Горбатого его богатейшая вотчина, село Лопатниче, перешла в казну. Царь специально упомянул о ней в своем завещании, приказав передать ее царевичу Федору. Шуйские далеко разошлись в колене с князьями Суздальскими. Тем не менее, регент князь Иван Шуйский сумел получить из казны вотчину Горбатого. Он завладел также богатыми землями, принадлежавшими прежде удельному князю Ивану Бельскому. В его руки перешел город Кинешма с обширной волостью. В качестве кормления воевода получил Псков «со псковскими пригороды, и с тамгою, и с кабаки, чего никоторому боярину не давывал государь». Псков был одним из самых богатых торговых городов России, и в распоряжение регента поступили огромные доходы. Князь Дмитрий Иванович Шуйский, младший брат будущего царя Василия, получил с чином кравчего «в путь» город Гороховец со всеми доходами.

Бояре Романовы преуспели в стяжании не меньше Шуйских. В их руки перешли на вотчинном праве Романове Городище, городок Скопин и другие земли. В 1613 году сыну регента Никиты Романова Ивану принадлежали 13 тысяч четвертей пашни в трех полях «старых вотчин», то есть вотчин, принадлежавших его отцу.

При Грозном немало черносошных земель было роздано в поместье дворянам. При боярском правительстве расхищение приобрело несравненно более широкие масштабы. Теперь их использовали не для пополнения поместного фонда, а для пожалований боярской аристократии.

Боярин князь Федор Скопин-Шуйский получил в жалованье Каргополь. Конюший Борис Годунов и его семья, как подчеркивал Горсей, получили Важскую землю. Указание на семью свидетельствовало, что Годуновы стремились превратить Вагу в свое наследственное владение. Важская земля занимала огромную территорию и включала множество сел и деревень.

Джером Горсей, описывая состояние России после смерти Грозного, обронил следующее многозначительное замечание: «Владения этого государства так пространны и обширны, что они необходимо должны распасться на несколько царств и княжеств и с трудом могут быть удержаны под одним правлением…».

Крушение сильной власти при отсутствии прочных экономических связей между землями действительно создавало угрозу распада Русского государства. Однако в конце XV и в начале XVI в. государственная земельная собственность, приобретя господство, стала своего рода цементирующим составом, скрепившим государство единой военно-служилой

системой. Начиная со времени Смуты второй четверти XIV века удельные княжества возрождались при каждом новом монархе, а затем безжалостно уничтожались. Угроза возрождения удельной системы при Федоре была нейтрализована думой.

Политические воззрения Грозного были пронизаны аристократическими предрассудками в такой же мере, как и взгляды его знати. Если бы царские распоряжения, выраженные в его опричном завещании и призванные укрепить шатающийся трон, были исполнены, младший царевич получил бы удельное княжество, включавшее Суздаль, Ярославль и Кострому.

Царское завещание не оставляло сомнений в том, что Грозный ставил интересы династии превыше всех прочих интересов. Но боярское правительство не допустило возрождения удельной системы в крупных масштабах.

Своей вдове Анне Колтовской самодержец предполагал выделить древний Ростов, а возможному сыну от нее – Углич, Верею, Малый Ярославец, Кашин, Устюжну. Неизвестно, какую метаморфозу претерпело это распоряжение в последнем завещании монарха. Регенты передали вдове Грозного царице Марии, а вместе с нею и ее сыну Дмитрию один лишь город Углич. Можно полагать, они не выполнили наказа царя. Никто более не считался с завещанием монарха. Само духовное завещание бояре уничтожили.

Московские власти с помощью всевозможных ухищрений вернули в Россию племянницу Грозного Марию, дочь князя Владимира Андреевича Старицкого. Вдове ливонского короля Магнуса обещали, что она займет в России достойное положение в соответствии с ее царским происхождением. Переговоры с ней вел Горсей, который называл королеву «ближайшей наследницей московского престола». В России Марии действительно пожаловали земли, стражу и слуг. Но жила она в пожалованном «уделе» очень недолго. По воле боярского правительства она и ее дочь были вскоре же заточены в монастырь.

При участии царя Ивана Боярская дума провела в середине XVI века реформы и создала систему приказов, в недрах которых зародилась российская бюрократия. В период опричнины в думе сформировались курии думных дворян и думных дьяков. Боярская дума стала ядром нового в русской истории учреждения – Земского собора, органа сословного представительства, которому суждено было сыграть важную роль в годы Смуты.

История России в XVI столетии поражает своими контрастами. Покончив с ордынской властью, Русское государство подчинило татарские ханства в Поволжье и нанесло тяжелое поражение Крымской орде, служившей бичом в руках

турок. Значение русских побед определялось тем, что турки уже утвердились на Балканах и в Причерноморье и тень турецкой экспансии нависла над всей Восточной Европой.

Россия проложила себе дорогу на Урал и в Сибирь, завязала торговые отношения с Западной Европой по северным морям, а затем по Балтике. Однако попытка прочно утвердиться на берегах Балтийского моря привела страну к тяжелому поражению в Ливонской войне.

В XVI веке Россия достигла огромных экономических успехов и пережила великое разорение. Итогом явилось запустение старых центров и начало освоения плодородных земель на вновь присоединенных окраинах. Подъем ремесла и торговли сменился в конце века упадком. Вместе с самодержавным строем в России народились крепостнические порядки.

Царь Иван заслужил проклятия боярской знати и земского дворянства. Низы, задавленные непомерными налогами, также не имели причин любить самодержца. Но казни бояр заронили в душу народа убеждение в том, что царь может защитить народ от притеснений «лихих бояр». Это убеждение наложило печать на лозунги кровавых бунтов XVII века. Зачинщики бунтов выступали за доброго царя и против «лихих бояр» со времен Смуты.

В источниках XVI века прозвище «Грозный» не встречалось. Скорее всего, царь Иван получил его, когда стал героем исторических песен.

Фольклорный образ великого государя сформировался, можно думать, в период Смуты. Опричный террор унес жизни нескольких тысяч людей, гражданская война начала XVII века – сотни тысяч жизней, а может быть, и больше. Страна обезлюдела. В деревнях подавляющая часть пашни запустела.

В обстановке неслыханных бедствий время царя Ивана стали вспоминать как эпоху могущества Российской державы, ее процветания и величия. Кровавые и темные дела были забыты.

Перевод «Иван Страшный» или «Иван Ужасный» очевидным образом искажает смысл прозвища. В представлении людей того времени «гроза» символизировала стихию испепеляющую, неотвратимую и блистательную, притом стихию не столько природную, сколько божественную, знак вмешательства небесных сил в жизнь людей.

Правление Ивана Грозного оставило неизгладимый след в истории.